Master Negative Storage Number

OCI00055.01

Ubiistvo Kaverlei

Moskva

1899

Reel: 55 Title: 1

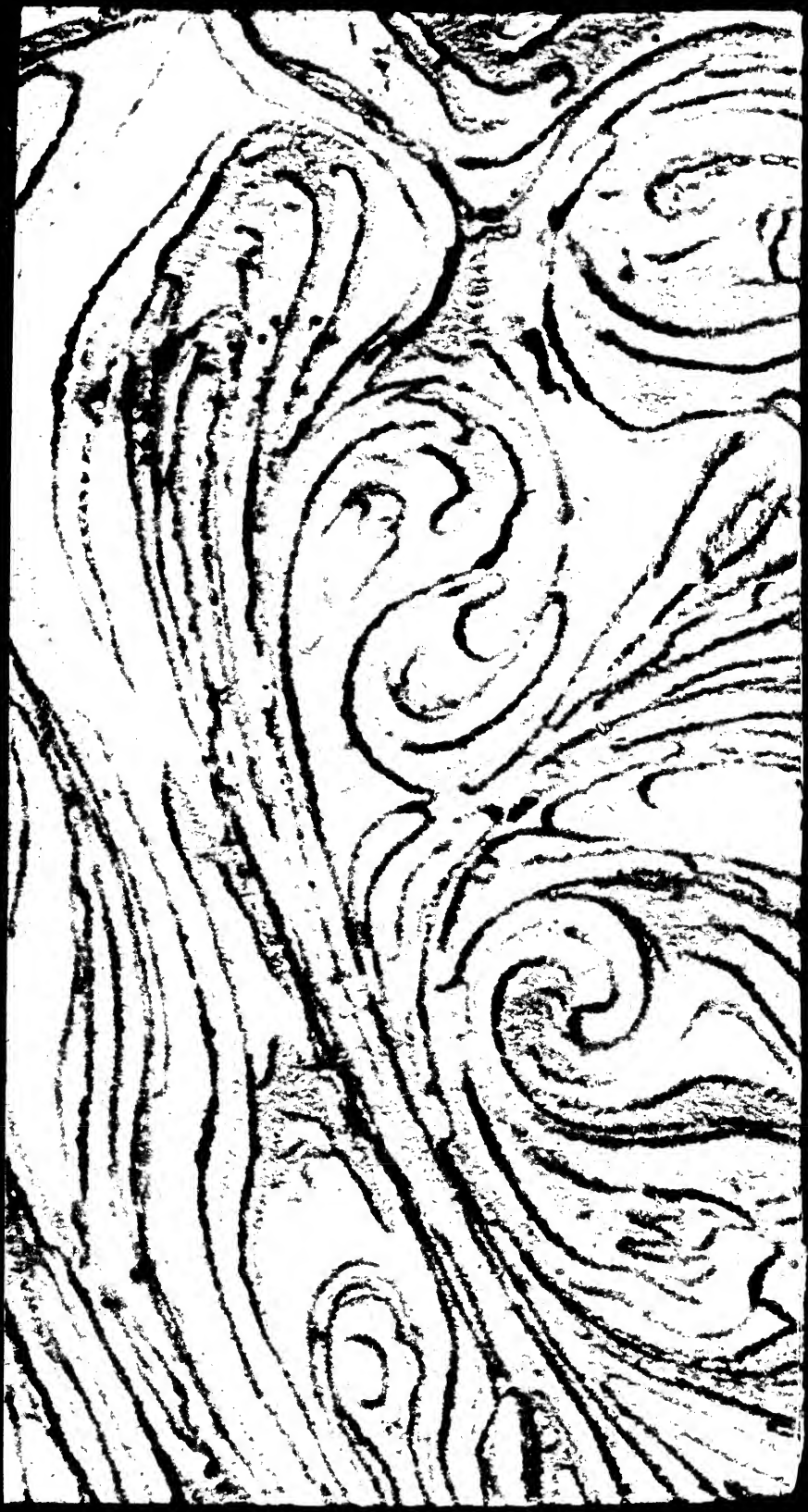
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00055.01

Control Number: BGP-3200
OCLC Number : 25288737
Call Number : W 381.5917N Ub1
Title : Ubiistvo Kaverlei : roman v chetyrekh chastiakh.
Imprint : Moskva : Izdanie E.I. Konovalovoi, 1899.
Format : 216 p. ; 17 cm.
Note : Colored illustration on cover.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 4/1/94
Camera Operator: AR



Отъ Московскаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва Апрѣля 15 дня 1898 г.

УБІЙСТВО
КАВЕРЛЕЙ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

МОСКВА.
Изданіе Е. И. Коноваловой.
1899.

Дозволено цензурою Москва, 15 апрѣля 1898 г.

Типограф. И. Н. Булгакова, Варварск. пл., д. Волкова.

W
381.5917n Ubl

Глава I.

Каверлей.

Былъ прекрасный вечеръ въ маѣ 1840 года. Изъ однаго высокаго пятиэтажнаго дома, находящагося на одной изъ улицъ Лондона, вышелъ молодой человѣкъ. Ему было около двадцати лѣтъ. Вся физіономія его дышала какой-то откровенностью и прямодушіемъ. У него были прекрасные голубые глаза и густыя бакенбарды, которые пріятно обрисовывали его прекрасное лицо; стройная талія и соразмѣрность его членовъ, выказывали въ немъ крѣпость тѣлосложенія. Сѣвши въ кабрі-

олетъ, онъ приказалъ кучеру ѣхать въ улицу Витте-Галь.

Проѣзжая черезъ мостъ, перекинутый черезъ Темзу, они увидали одну молодую женщину, которая тяжело плакала и ея рыданія далеко были слышны, не смотря на стукъ экипажей, который еще не умолкалъ на городскихъ улицахъ, хотя время было уже за полночь.

При видѣ незнакомки рыданій, которыя слышались, молодой человѣкъ отрывисто сказалъ кучеру.

— Остановись! поспѣшно вышелъ изъ экипажа и пошелъ позади женщины.

Луна въ эту минуту, плавно катавшаяся по небу, была задернута сѣроватымъ облакомъ и въ воздухѣ сильно потемнѣло. Незнакомка вдругъ остановилась на срединѣ моста, мгновенно вспрыгнула на перила и черезъ минуту послышалось паде-

ніе въ воду тяжелаго тѣла и отчаянный крикъ.

Слѣдовавшій за несчастной молодой человѣкъ, не долго думая, перепрыгнулъ черезъ перила и бросился спасать утопавшую. Онъ плавалъ превосходно; черезъ нѣсколько взмаховъ руками очутился уже у незнакомки, голова которой показалась на поверхности рѣки.

Между тѣмъ кучеръ, на минуту пораженный случившимся, пришелъ въ себя, проворно соскочилъ съ козелъ и бросился, что было мочи, бѣжать къ берегу рѣки. Тутъ стояла небольшая лодка; онъ прыгнулъ въ нее, и видя, что она привязана веревкой, схватилъ изъ кармана ножъ, перерѣзалъ ее и отчалилъ отъ берега. Но, къ несчастію, въ торопяхъ, онъ выронилъ одно весло и оно юркнуло въ воду. Не теряя присутствія духа и времени, отважный человѣкъ началъ пра-

вить однимъ весломъ на помощь своему господину, который съ своей ношей то всплывалъ, то вновь погружался на дно. Время отъ времени поднималась небольшая волна, которая отбрасывала отъ себя пѣну, и на срединѣ можно бѣло видѣть, какъ на минуту показывалось бѣлое платье молодой дѣвушки или выставлялась на поверхности голова ея спасителя, который всплывалъ, чтобы перевести духъ. Одно время и онъ и она появились вмѣстѣ и молодой человѣкъ вскрикнулъ:

— Я вижу ее!

Съ этимъ словомъ онъ въ два пріема очутился на томъ мѣстѣ, гдѣ за минуту до того плавало бѣлое платье, и нырнулъ внизъ. Онъ изчезъ изъ глазъ. Въ это время его слуга находился съ лодкой почти въ десяти шагахъ отъ него, плывя по рѣкѣ ни скорѣе, ни медленнѣе ея теченія и сжимая въ своихъ рукахъ единственное

весло такъ крѣпко, какъ будто хотѣлъ раздавить его.

Минуту спустя, молодой человѣкъ снова появился на поверхности воды. На этотъ разъ онъ держалъ утопавшую за волосы. Она была безъ чувствъ. Положеніе обоихъ было крайне опасное, изъ груди молодого человѣка вырывались по временамъ хриплые звуки; ему надобно было много силы для того, чтобы удерживаться на водѣ, потому что утопавшая, которая не двигалась ни руками, ни ногами, была тажела какъ свинецъ. Онъ оглянулся, чтобы посмотрѣть къ какому берегу рѣки онъ ближе, и увидалъ плывшаго слугу.

— Робертъ, —крикнулъ онъ, —ко мнѣ!...

Первый стоялъ на краю лодки и протягивалъ къ утопавшему весло, но къ сожалѣнію, оно не доставало до него фута на три или четыре.

Молодой человѣкъ отчаянно крикнулъ:

— Ко мнѣ!..

Въ эту минуту волна перекатилась черезъ его голову; онъ снова изчезъ. Кровь бросилась въ голову слугѣ; несчастный стоялъ съ открытымъ ртомъ, устремивъ неподвижно глаза на то мѣсто, гдѣ скрылся его господинъ. Черезъ минуту голова его снова показалась на водѣ. Слуга протянулъ весло, но оно всетаки недостовало.

— Соберитесь съ силами, сэръ! не отчаивайтесь! крикнулъ Робертъ.

Но вмѣсто отвѣта онъ услыхалъ только! глухой стонъ.

— Спасайтесь сами; оставьте женщину! кричалъ Робертъ.

Нѣтъ.....нѣ.....тъ.....я.....было проговорилъ молодой человѣкъ, но въ эту секунду вода влилась ему въ ротъ и заглушила слова.

Вѣрный слуга, видя отчаянное положеніе, въ какомъ находился сэръ, высунул-

ся изъ лодки всѣмъ туловищемъ, стараясь протянуть ему весло. Въ глазахъ Роберта все вертѣлось. и мостъ: и дома—все это танцовало, а между тѣмъ его взоры были устремлены на голову сэра, погружающуюся въ воду, но его глаза, которые находились почти въ уровень съ поверхностью, смотрѣли на Роберта, но вотъ сэръ началъ погружаться все ниже и ниже.... Робертъ сдѣлалъ послѣднее, невѣроятное усиліе и, наконецъ, ему удалось достать весломъ потопавшаго, который только одну уже руку выставлялъ изъ воды.

Говорятъ, когда тонешь, то хватаешься и за соломенку. Сэръ инстинктивно схватился за весло, когда почувствовалъ, что оно коснулось его руки, и сжалъ его такъ крѣпко и сильно, что слѣды его ногтей остались на деревѣ. Робертъ налегъ всѣмъ тѣломъ на другой конецъ весла, головой наравнѣ съ бортомъ лодки. Онъ весь дро-

жалъ, боялся выпустить изъ-подъ себя свое весло и тянулъ его изъ всѣхъ силъ.

Голова утопавшаго была опрокинута назадъ, какъ у человѣка, пораженнаго обморокомъ. Весло Роберта мало-по-малу приближало его къ спасительной лодкѣ. Онъ былъ уже отъ нея не далеко; обрадованный Робертъ, наконецъ, схватилъ его за руку и сжалъ ее какъ въ тискахъ, Молодой человѣкъ между тѣмъ не выпускалъ дѣвушку, и Роберту удалось втащить ее въ лодку вмѣстѣ ея спасителемъ Оба они находились въ безчувственномъ состояніи. Робертъ прежде всего бросился къ своему господину и началъ разжимать его ладони, называя и клича его по имени.

Видя, что онъ не приходитъ въ себя, онъ положилъ его на дно лодки и поплылъ къ берегу; но тутъ настало новое затрудненіе. У Роберта было одно весло,

а потому и править было очень затруднительно. Онъ хотѣлъ пристать къ одному мѣсту, но поворачивалъ къ другому: теченіе рѣки увлекало его. Наконецъ, выбившись изъ силъ, онъ началъ кричать о помощи, видя, что теченіе рѣки прямо несетъ его въ море.

По счастію, его крики услыхали сторожа, находившіеся на берегу во вновь выстроенномъ домѣ для спасенія утопающихъ, Они тотчасъ спустили лодку, въ два поворота руки доплыли до Роберта и прицѣпили его лодку къ своей. Черезъ пять минутъ молодой человѣкъ и дѣвушка уже лежали въ соли и были приложены всѣ усилія, чтобы привести ихъ въ чувство.

Но пока ихъ приводятъ въ чувство, познакомимся покороче съ джентельмэномъ.

Это былъ сэръ Рожеръ Кавердей, потомокъ одного изъ лучшихъ и старинныхъ родовъ Англіи. Онъ былъ единственный

представитель этого рода, наслѣдовавъ отъ отца какъ его титулы, такъ и прекрасное состояніе. Первоначально молодой Каверлей окончивъ курсъ образованія, служилъ нѣсколько времени въ одномъ изъ королевскихъ полковъ гвардіи, а потомъ по смерти отца, вышелъ въ отставку и сталъ жить въ наслѣдственомъ имѣніи, которое находилось въ трехъ или въ четырехъ лье отъ Лондона. Вмѣстѣ съ нимъ жила въ замкѣ мать, старая лэди, молоденькая миссъ, его сестра. Въ настоящее время онъ находился по своимъ дѣламъ въ столицѣ и случайно встрѣтился съ несчастной, спасителемъ которой онъ сдѣлался, руководимый благороднымъ и великодушнымъ своимъ характеромъ.

Теперь снова обратимся къ прерванному разсказу.

Глава II.

Продолженіе первой главы.

Первый открылъ глаза и очувствовался Каверлей. Едва только онъ увидалъ Роберта и припомнилъ все случившееся съ нимъ, какъ бросился къ нему на шею и началъ обнимать его. Вѣрный слуга рыдалъ, смѣялся и плакалъ. Оставивъ его, Каверлей обернулся и увидалъ дѣвушку, которую еще приводили въ чувство.

— Двадцать фунтовъ стерлинговъ, друзья мои! вскричалъ онъ, если ее спасете, —а ты, Робертъ, ступай и приведи кабріолетъ ко мнѣ.

Робертъ проворно бросился исполнять приказаніе: но когда онъ добѣжалъ до того мѣста, гдѣ на мосту была оставлена лошадь, то уже не нашелъ ни ея, ни кабріолета. Онъ возвратился назадъ и сказалъ объ этомъ Каверлею.

Онъ велѣлъ привести фіакръ, когда это было исполнено, то дѣвушка уже совершенно очувствовалась и Каверлей приказалъ перенести ее въ фіакръ, крикнувъ извощику:

— Въ улицу Вэкъ, нумеръ 40; но, живей!

Они поѣхали. Дорогой дѣвушка снова лишилась чувствъ и Каверлей, остановясь, послалъ Роберта за лѣкаремъ, приказавъ привести его къ себѣ.

Когда Робертъ возвратился, то нашелъ дѣвушку уже лежащую на постелѣ. Около нея сидѣла женщина, которая ухаживала за несчастной. Она была прекрасна,

Блѣдное лицо ея было бѣло какъ снѣгъ, и бѣлизна еще больше увеличивалась отъ черныхъ волосъ, которыя роскошными прядями разсыпались по ея лбу и плечамъ; ея руки, очаровательной формы, были сложены крестообразно на роскошной груди, которая чуть чуть колыхалась. Медикъ началъ хлопотать около больной. Каверлей стоялъ тутъ же, около окна, не спускалъ съ нея глазъ. Вскорѣ дѣвушка очувствовалась. Окинувъ комнату своими большими черными глазами: она слабо проговорила:

— Гдѣ я?

— Успокойтесь, сударыня,—подходя къ ней, проговорилъ Каверлей,—вы у меня въ домѣ, и я буду заботиться о васъ, какъ братъ о сестрѣ, пока ваше здоровье не позволитъ вамъ возвратиться къ роднымъ

— Такъ я больна?

Тутъ она провела рукой по лбу и, кажется вспомнивъ о страшномъ случаѣ, она вдругъ горестно вскрикнула:

— О! да, да! я вспомнила теперь все... я хотѣла...

Но она не договорила: вопль отчаянія, вырвавшій изъ ея груди, заглушилъ голосъ, нѣсколько оправившись, она продолжала:

—Конечно, это вы спасли меня? О, еслибъ вы знали, какую услугу оказали вы мнѣ Какую роковую будущность ваше благородное сердце раскрыло передо мной!.

Каверлей началъ было утѣшать ее, но на все, что онъ не говорилъ, получалъ одинъ отвѣтъ:

— Да еслибъ вы знали!..

Повидимому, Каверлею наскучило слушать одно и тоже, почему онъ, наклонясь къ ея уху, тихо сказалъ:

— Я все знаю!

— Вы?

— Да вы любите и вамъ измѣнили.

— Да, жестоко обманули меня...

— Успокойтесь, довѣртесь мнѣ и скажите, что тяготитъ васъ? Не любопытство, но желаніе быть вамъ полезнымъ заставляетъ меня такъ говорить. Мнѣ кажется, что вы не должны чуждаться меня.

О, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Вы, благородный чедовѣкъ, подвергали жизнь свою опасности изъ за меня. Я увѣрена, что вы не покинете меня... Да, я разскажу вамъ все. Но прежде всего позвольте написать письмо къ моему отцу; я оставила ему прощальное письмо, въ которомъ открыла свое намѣреніе. Вѣдняжка, вѣроятно онъ теперь думаетъ, что я исполнила его! Вы позвольте ему пріѣхать сюда?

— Пишите, миссъ! проговорилъ Каверлей, подавая перо и чернила,—пишите и

не теряйте времени. Я понимаю, какъ долженъ страдать вашъ несчастный отецъ.

Миссъ взяла поданную бумагу и наскоро написала записку, добавивъ потомъ:

Теперь скажите адресъ вашего дома.

— Это отель. Пишите въ улицу Бэкъ нумеръ 40, гостинница Королевы.

Дѣвушка, казалось, съ удивленіемъ выслушивала адресъ, повторила его нѣсколько разъ и потомъ грустно сказала:

— какъ это странно; но, можетъ быть самъ Богъ привелъ меня сюда.

Каверлей посмотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но она, замѣтивъ это, сказала:

— Не удивляйтесь; когда я вамъ разскажу свою исторію и то, что довело меня до гибельной мысли, то вы все поймете и скажете тогда, что вашъ адресъ не безъ причины произвелъ на меня впечатленіе.

Взявъ отъ незнакомки письмо, Каверлей позвонилъ и отдалъ его человѣку, чтобъ онъ отвезъ запизку по назначенію. Прошло около получаса послѣ отправленія слуги, дѣвушка, прерывающимся отъ волненія голосомъ, разсказывала плачевную исторію Каверлею, лицо котораго выказывало сильное внутреннее волненіе, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи-то поспѣшные шаги. Больная прислушалась къ нимъ, приподнялась и жалобно крикнула:

— Мой бѣдный отецъ, мой отецъ!

Дверь въ комнату отворилась и старикъ, уже преклонныхъ лѣтъ, сѣдой какъ лунь, съ радостнымъ воплемъ бросился къ своей дочери, плача и говоря:

— Эмилія! милое дитя мое! Ты жива, о, какъ я счастливъ!

Не возможно передать на словахъ, что чувствовали въ въ эту минуту люди, уча-

ствовавшіе въ подобной сценѣ; но Каверлей, желая оставить на единѣ дочь и отца, далъ знакъ сидѣлкѣ выдти вонъ и самъ вышелъ въ слѣдующую комнату. Тамъ онъ вновь крикнулъ слугу и когда тотъ явился, онъ сказалъ ему:

— Ты знаешь, кто живетъ рядомъ со мной?

— Знаю, сэръ.

— Я его тоже нѣсколько разъ видалъ. Это поручикъ Берклей... Подстерегай его и, когда онъ вернется, то попроси его зайдти ко мнѣ, мнѣ нужно переговорить съ нимъ.

Человѣкъ вышелъ на улицу и у подъѣзда началъ подстерегать Берклея. Черезъ четверть часа подъѣхалъ къ подъѣзду экипажъ и изъ него вышелъ поручикъ, молодой человѣкъ, хотя и съ прекраснымъ лицомъ, но съ нахальнымъ вы-

раженіемъ. Слуга Каверлея подошелъ къ нему и учтиво сказалъ:

— Сэръ, господинъ мой желаетъ переговорить съ вами.

— Онъ можетъ подождать и до утра, отвѣчалъ съ нѣкоторой досадой поручикъ.

— Кажется, нѣтъ; онъ проситъ васъ къ себѣ теперь же.

— Хорошо, но гдѣ онъ?

— Здѣсь, сказалъ Каверлей отворяя нѣсколько дверь и какъ казалось; подслушивавшій разговоръ, не у-одно ли вамъ войти въ эту комнату, продолжалъ онъ, втаскитая почти насильно поручика туда, гдѣ лежала больная дѣвушка.

Черезъ минуту тамъ потлышался сначала дрожащій голосъ, который говорилъ

— Альфредъ!

— Это ты, моя Эмилія? какъ ты сюда попала?

Дѣвушка начала что-то жалобно говорить и упрашивать поручика; потомъ послышался голосъ:

— Нѣтъ, Эмилія это не возможно! я не воленъ въ своей женитьбѣ, я завищу отъ такой фамиліи, которая не позволяетъ этого. Но я богатъ, и если нужно золото...

Однако эта фраза не была кончена. Послышался страшный шумъ и проклятія стараго отца, произнесенное такимъ голосомъ, что, казалось, отъ него задрожали стекла. Каверлей вошелъ тотчасъ же въ комнату.

Глава III.

Дуэль.

Поручикъ стоялъ блѣдный, съ неподвижными глазами, со стиснутыми зубами: старый отецъ съ глазами налитыми кровью, пѣной на губахъ, стоялъ передъ нимъ, поднявъ руки и какъ бы намѣреваясь нанесть ему ударъ. Поручикъ увидя Каверлея подошелъ къ нему и сказалъ:

— Сэръ, я не зналъ, что въ вашей квартирѣ можно опасаться за свою жизнь; въ другой разъ я не иначе войду сюда, какъ съ пистолетами въ обѣихъ рукахъ. Понимаете ли вы меня?

— Я такъ и надѣюсь съ вами увидаться, потому что если вы и войдете сюда

иначе, то я сейчасъ же прошу выйдти отсюда.

— Капитанъ,—сказалъ поручикъ, обращаясь къ отцу дѣвушки, — вѣроятно, вы не забудете, что и съ вами не совсѣмъ еще покончен мой счетъ.

— И ты его дорого заплатишь, безчестный человѣкъ! въ сильномъ гнѣвѣ проговорилъ старикъ.

— Хорошо!

— Теперь разсвѣтаетъ, — продолжалъ старикъ,—ступайте за оружіемъ...

— Не трудитесь проговорилъ Каверлей: у меня есть шпаги и пистолеты.

— Въ такомъ случаѣ велите отнести ихъ въ экипажъ, закончилъ лаконически старикъ.

— Черезъ часъ я буду къ вашимъ услугамъ,—молвилъ Берклей, учтиво раскланиваясь,—гдѣ увидимся?

Назначили мѣсто. Онъ вышелъ. Во все время этой сцены Эмилія находилась въ безпамятствѣ. Капитанъ наклонился къ ея постели и съ нѣжностію смотрѣлъ на нее. Кавердей хотѣлъ позвать къ ней сидѣлку, но онъ остановилъ его, сказавъ:

— Нѣтъ, оставьте ее такъ, пусть моя малютка ничего не знаетъ. Это будетъ гораздо лучше ей. Эмилія, дитя моя, прощай.

— Если я буду убитъ, сэръ, то вы отомстите за меня, не правда ли, и вы не оставите бѣдной сироты?

— Клянусь вамъ предъ лицомъ ея, съ достоинствомъ отвѣчалъ Кавердей.

Старикъ еще разъ поцѣловалъ свою дочь и, подозвавъ сидѣлку, сказалъ:

— Теперь помоги ей; если она спроситъ гдѣ я, то скажи, что скоро вернусь. Поѣдемъ же теперь, сэръ.

Они вышли изъ комнаты и прошли въ кабинетъ Каверлея, гдѣ послѣдній подалъ два пистолета старику, а самъ взялъ двѣ шпаги. Когда они сѣли въ экипажъ, то старый капитанъ сказалъ Каверлею:

— Сэръ, если я буду убитъ, то отдайте этотъ перстень бѣдной дочери моей— это обручальное кольцо ея матери; потомъ вы распорядитесь, чтобъ я былъ похороненъ. У меня нѣтъ иного друга, кромѣ дочери, и такъ, за гробомъ моимъ пойдетъ она и вы, вотъ и все.

— Къ чему такія мысли?

Старый отецъ ничего не отвѣчалъ и какъ бы погрузился въ самого себя. Каверлей не старался съ нимъ заговаривать, и оба, храня молчаніе, прибыли въ назначенное мѣсто. Тотчасъ же пріѣхалъ за ними и Берклей. Полагаю, что читателю нечего много объяснять, какую роль игралъ въ судьбѣ бѣдной Эмиліи этотъ человѣкъ.

Это становится понятнымъ само собой. Человѣкъ дюжиннаго характера, Берклей, подобно многимъ молодымъ людямъ этого закала, слишкомъ легко смотрѣлъ на свои отношенія съ женщинами. Дѣвушка, увлекшись имъ была завлечена его обѣщаніями, которыя онъ не думалъ вовсе исполнять, свои поступки и связь съ ней считалъ не болѣе какъ шалостью, которую думалъ загладить извѣстной суммой, тѣмъ болѣе, что старый капитанъ и его дочь были въ очень бѣдномъ состояніи. Но дѣло внезапно и для самого Берклея приняло неожиданный оборотъ.

Пріѣхавъ на мѣсто, Берклей вышелъ изъ экипажа съ двумя секундатами. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ капитану и сказалъ:

— Какое оружіе избрать желаете вы?

— Пистолеты, отрывисто проговорилъ послѣдній.

Всѣ взошли въ лѣсъ. Секунданты развели противниковъ на мѣста. Былъ поданъ знакъ. Одновременно раздались два выстрѣла и старый отецъ, прострѣленный на вылетъ, тяжело рухнулъ на землю. Послѣднее его слово—имя дочери. Лишь только онъ упалъ, какъ Каверлей громко крикнулъ слугѣ, оставшемуся въ экипажѣ:

— Робертъ, шпаги!

Робертъ проворно подалъ ему шпаги. Онъ протянулъ руку, чтобы взять ихъ, а послѣдній на рукѣ его увидалъ перстень убитаго.

Поручикъ между тѣмъ стоялъ посреди свидѣтелей и смѣялся, разговаривая съ ними. Каверлей, посмотрѣвъ еще разъ на убитаго капитана, подошелъ къ группѣ, бросилъ шпаги на землю и сказалъ:

— Джентельмены, посмотрите, одинаковой ли онѣ длины?

— Такъ вы не желаете оставить это дѣло до завтра? сказалъ одинъ изъ секундантовъ.

— Нѣтъ.

— Успокойтесь, друзья мои, проговорилъ Берклей, первая битва не утомила нисколько меня; только я бы съ удовольствіемъ выпилъ теперь стаканъ воды.

Одинъ изъ секундантовъ поспѣшилъ исполнить его желаніе. Когда поручикъ бралъ стаканъ, то рука его не дрожала, только послѣ, когда онъ выпилъ воду, то крѣпко стиснулъ зубами его, такъ что у стакана отломился край.

Наконецъ, противники сбросили съ себя сюртуки, засучили рукава и взялись за шпаги. Каверлей, подозвавъ къ себѣ Роберта, написалъ на двухъ лоскуткахъ бумаги нѣсколько словъ карандашемъ и сказалъ:

— Робертъ, одну записку, если я умру, то отдашь матери, другую—молодой миссъ и потомъ, вставъ въ позицію, кликнулъ:

— Ну, господа, я готовъ!

— Но у васъ, сэръ, нѣтъ секунданта, сказалъ поручикъ.

— Одинъ изъ вашихъ можетъ быть моимъ.

— Альфредъ, перейди на сторону Коверлея, продолжалъ Берклей.

Къ кому были обращены слова, перешелъ на сторону Каверлея; другой проговорилъ:

Начинайте, господа!

Противники сдѣлали шагъ впередъ, шпаги ихъ скрестились.

— Отступайте! проговорилъ Каверлей.

— Я никогда не отступаю, отвѣчалъ Берклей.

Каверлей сдѣлалъ шагъ назадъ. Берклей съ силой и искусствомъ напалъ на него.

Шпаги ихъ вертѣлись одна вокругъ другой, подобно ужамъ. Берклей все наступалъ, Каверлей, слѣдя глазами за движеніемъ его шпаги, отражалъ удары такъ спокойно, какъ будто находился въ фехтовальной залѣ.

Борьба продолжалась. Берклей началъ язвительно подсмѣиваться, чтобы разгорячить противника; но тотъ оставался холоденъ и покоенъ.

— Га! воскликнулъ Берклей, вотъ разъ вамъ, Каверлей! и шпага его коснулась руки противника, изъ нея брызнула кровь.

— Это пустяки, спокойно сказалъ раненый,—будемъ продолжать.

Битва возобновилась. Берклей все сильнѣе и сильнѣе наступалъ. Каверлей сохранялъ спокойствіе; ни одинъ мускулъ на лицѣ не двигался, ничто не обнаруживало его волненія, только по временамъ слегка раздувались его ноздри и дро-

жала губа. Воспользовавшись удобной минутой, Берклей нанесъ новый ударъ своему противнику въ ногу; кровь потекла изъ нея.

— Не довольно ли? усмѣхаясь, сказалъ Берклей.

— Продолжайте! холодно продолжалъ Каверлей.

На этотъ разъ видно было, что Берклей былъ утомленъ продолжительнымъ боемъ: крупныя капли пота выступили на его лбу и рука начинала дрожать. Онъ началъ отступать.

— А я думалъ, что вы никогда не отступаете, насмѣшливо произнесъ Каверлей, и съ этимъ словомъ нанесъ ему такой ударъ, что шпага его разлетѣлась въ дребезги, а шпага Каверлея прошла насквозь грудь Берклея.

— Кажется, я дрался честно, господа, сказалъ Каверлей.

Секунданты отвѣчали утвердительно наклоненіемъ головы. Тогда Каварлей выдернулъ шпагу и Берклей, поддерживаемый ею до сихъ поръ, тяжело упалъ на землю.

— Робертъ,—тихо проговорилъ Каверлей, обращаясь къ слугѣ, — пока я буду возвращаться домой, ты сходи за нотаріусомъ и приведи его ко мнѣ. Я нынче же долженъ подписать брачный контракъ съ молоденькой миссъ.

Потомъ онъ вѣжливо поклонился секундантамъ и удалился съ мѣста поединка.

Глава IV.

Бѣгство.

Въ этотъ же день былъ подписанъ брачный контрактъ съ Эмиліей и Каверлей съ молодой женой тотчасъ выѣхалъ изъ Лондона въ свой замокъ, сопровождаемый Робертомъ. Онъ спѣшилъ своимъ отъѣздомъ, такъ какъ зналъ, что лишь сдѣлается извѣстнымъ его поединокъ, то немедленно начнется преслѣдованіе и ему грозила опасность лишиться свободы, почему онъ рѣшилъ немедленно бѣжать на время изъ Англіи, пока не позабудется дѣло.

Черезъ нѣсколько часовъ онъ уже былъ въ своемъ замкѣ и прежде, чѣмъ предста-

вить свою молодую жену матери, онъ хотѣлъ до этого времени увидаться съ ней и переговорить заблаговременно.

Онъ приказалъ доложить о себѣ матери. Старая лэди приказала его позвать. Это была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя выше всего ставятъ свое происхожденіе и головы ихъ набиты различнаго рода предразсудками. Лэди была уже пожилыхъ лѣтъ, но слѣды прежней красоты еще сохранились. Когда вошелъ къ ней Каверлей, лэди сидѣла въ большихъ креслахъ. Она важно взглянула на сына и протянула ему руку. Каверлей сѣлъ возлѣ нея.

— Матушка,—сказалъ онъ,—я долженъ сообщить вамъ нѣчто важное, случившееожиданное со мной.

Тонъ его голоса поразилъ лэди и она живо отвѣчала.

— Что такое случилось? говори, мой сынъ.

Каверлей началъ разсказъ со встрѣчи съ Эмиліей и кончилъ дуэлью съ Берклеемъ. Во все время лэди холодно слушала его разсказъ и лишь только онъ кончилъ, какъ она сказала:

— Но кто эта дѣвушка?

— Дочь бѣднаго капитана, который служилъ честно.

— Но, сынъ мой, подумалъ ли ты. что этотъ бракъ недостоинъ твоего рода и нашей фамиліи.

— Матушка, раздумывать нѣкогда было; я поступилъ, какъ велѣли мнѣ долгъ и честь. Прошу объ одномъ, примите мою жену, какъ дочь, и пока я буду въ отсутствіи берегите ее.

— Ты хочешь ѣхать, зачѣмъ?

— Противникъ мой убитъ. Его семья, вѣроятно, возбудитъ противъ меня судебное преслѣдованіе, а поэтому я долженъ крыться пока.

— Но куда?

— Этого я и самъ еще не знаю; поспѣшу отправиться съ первымъ пароходомъ, который будетъ выходать изъ рейда.

Лэди нѣсколько задумалась. Прошло минутъ десять глубокаго молчанія. Наконецъ лэди глубоко вздохнувъ, проговорила.

— Что сдѣлано, того не измѣнишь. Мнѣ горько слышать о твоемъ бракѣ, но какъ мать и когда онъ уже совершенъ, я не могу ничего сказать противъ всего совершившагося. Уѣзжай и будь увѣренъ, что твоя жена будетъ принята мной, какъ того требуетъ твоя честь; я не окажу ей холодности, но знай, что она будетъ не близка моему сердцу. Покажи ее мнѣ.

Кавердей черезъ нѣсколько минутъ воротился съ молодой женой. Встрѣча произошла довольно сухо и холодно, но лэди на столько могла и умѣла владѣть собой, что на первый разъ не дала молодой жен-

щинѣ почувствовать то, какъ она смотритъ на нее.

Между тѣмъ какъ происходило это представленіе въ замкѣ, семейство Берклея, узнавъ о смерти своего сына, тотчасъ принялось, какъ и предполагалъ Каверлей, за преслѣдованіе. Это было сдѣлать не трудно: имя было извѣстно, слѣды были открыты и тотчасъ же дано было знать мѣстному судьѣ о заарестованіи преступниаа. Каверлей готовился уже къ побѣгу, когда явился въ замокъ судья и, вѣроятно, ему не удалось бы избѣжать ареста, если бы Робертъ не замѣтилъ во время его приближенія и не извѣстилъ бы объ этомъ тотчасъ своего господина. Не теряя ни минуты времени, Каверлей, въ сопроверженіи Роберта, вышелъ потаенной дверью въ паркъ, гдѣ уже заранѣе были приготовлены два превосходныхъ скакуна, и помчался на нихъ по направ-

ленію въ Бристоль. Ему во время удалось застать вагоны, отправлявшіеся туда же; онъ занялъ въ нихъ мѣсто и черезъ нѣсколько часовъ былъ уже въ Бристолѣ, прежде чѣмъ судья получилъ вѣрныя извѣстія о направленіи его пути. Онъ по телеграфу немедлено далъ знать о задержаніи его.

Между тѣмъ Каверлей прямо бросился на пристань и началъ искать судна или пахорода, который бы теперь отправлялся на европейскій континентъ; но, не смотря на всѣ розыски и распросы, подобнаго парохода въ этотъ разъ не выходило изъ пристани и Роберту только удалось узнать, что выходитъ въ море пароходъ „Бермигэмъ“, отправляющійся съ грузомъ и переселенцами въ Австралію.

Каверлей обрадовался и этому случаю. Предполагая, что пароходъ зайдетъ въ какую-нибудь европейскую гавань, въ ко-

торой онъ можетъ выйдти на берегъ, молодой человѣкъ поспѣшилъ къ капитану судна, условился съ нимъ въ цѣнѣ и вмѣстѣ съ Робертомъ взошелъ на бортъ парохода. Черезъ полчаса былъ поданъ свистокъ, развели пары и пароходъ, полный пассажирами, вышелъ изъ рейда въ открытое море.

Въ эту-то минуту пришло приказаніе о задержаніи Каверлея, но оно опоздало. И на этотъ разъ молодой человѣкъ избѣгъ счастливо опасности.

Глава V.

Двойникъ.

Пароходъ былъ въ морѣ уже другой день, когда Каверлей, пользуясь прекрасною погодою, вышелъ на палубу вмѣстѣ съ другими пассажирами. Это было около полудня. Воздухъ дышалъ прохладной свѣжестью, море тихо волновалось и волны слегка гнали одна другую. Въ выси рѣяли стаи морскихъ чаекъ. Выйдя на верхъ, Каверлей почти лицомъ къ лицу столкнулся съ человѣкомъ, который чрезвычайно поразилъ его: онъ увидалъ самого себя въ немъ. Незнакомецъ такого же

роста, какъ и онъ, его лицо, выраженіе, физіономія, походка, сходствовали до малѣйшихъ подробностей, только въ ухваткахъ незнакомца проглядывали угловатость и неповоротливость, свойственныя людямъ простаго происхожденія, зглаженныя лоскомъ свѣтскаго образованія. Этотъ двойникъ, если можно такъ выразиться, былъ одѣтъ въ простую матросскую куртку, а на головѣ была круглая шляпа. Въ ту минуту, когда онъ встрѣтился съ Каверлеемъ, въ зубахъ его была коротенькая трубка. набитая дурнымъ табакомъ, дымъ котораго незнакомецъ съ наслажденіемъ втягивалъ въ себя.

Каверлей съ перваго взгляда почувствовалъ къ незнакомцу какое-то инстинктивное отвращеніе и поспѣшилъ отвернуться отъ двойника. Онъ не могъ объяснить себѣ причины этого нерасположенія къ незна-

комцу, котораго встрѣтилъ только въ первый разъ. Не менѣе молодаго человѣка пораженъ былъ и незнакомецъ. На его лицѣ отразились смѣсь радости и удивленія. Онъ мрачно посмотрѣлъ въ слѣдъ удаляющагося джентельмена, пробормоталъ что-то про себя, и подошелъ потомъ къ одному человѣку съ отвратительной физіономіей. Это была личность небольшаго роста, коренастаго тѣлосложенія, съ длинными, какъ у орангутанга, руками, которые доходили ниже колѣнъ. Голова этого человѣка, казалось, приросла къ плечамъ, такъ коротка была его воловья, красивая шея. Въ лицѣ его свѣтилось что-то дикое, глаза блистали какимъ-то зловѣщимъ огнемъ. Рыжіе его волосы были коротко обстрижены и походили, вмѣстѣ съ бакенбардами, на щетину.

— Стефенсъ, — проговорилъ двойникъ этому европейскому дикарю,—взгляни, пожалуйста, вонъ на того джентельмена, и онъ указалъ на Каверлея.

Стефенсъ бросилъ угрюмый взглядъ на молодаго человѣка, потомъ вопросительно посмотрѣлъ на двойника. проворчалъ сквозь зубы:

— Что же въ немъ заключается?

— Очень много для меня и для тебя, пріятель.

— Объясни.

— Кажется, мы съ тббою отправляемся въ Австралію для того, чтобы нажить деньги?

— Да.

— Ну, пріятель. мнѣ далеко такъ ѣхать за ними не хочется и этотъ сэръ, котораго ты видишь, для меня составляетъ свой особый золотой рудникъ.

— Не понимаю.

— Я объясню тебѣ свою мысль.

— Говори.

— Не находишь ли ты сходства между мной и этимъ сэромъ?

Стефенсъ внимательно оглядѣлъ съ ногъ до головы того и другаго и проговорилъ:

— Поразительное.

— Въ головѣ моей появились различные планы относительно этого, и я буду слѣдить за этимъ человѣкомъ и найду случай скоро чтобы выполнить свою мысль,

какъ отдѣлаться отъ братца и, пользуясь сходствомъ, вступить во всѣ его права.

Двойникъ произнесъ эти слова такъ спокойно и съ такимъ хладнокровіемъ, что даже Стефенсъ при этомъ почувствовалъ легкую дрожь и невольно поотодвинулся отъ своего пріятеля. Послѣдній продолжалъ:

— Согласись, что планъ и мысль мои были превосходны?

— Да.

— Но для исполненія ихъ возникало неодолимое препятствіе. Я могъ быть открытъ матерью, которая живетъ не подаку отъ замка Каверлей, и при томъ же этотъ братецъ имѣлъ свои знакомства, коковыхъ я не зналъ, свои привычки, которыхъ я не имѣлъ, а потому все вмѣстѣ

взятое грозило-мнѣ быть узнаннымъ, и тогда гибель для меня была бы не избѣжна. Не правда ли?

— Совершенно вѣрно.

— Послѣдняго мнѣ вовсе не хотѣлось, а мысль разбогатѣть мучила меня и вотъ я съ совѣта твоего рѣшился ѣхать на золотые пріиски; но настоящая случайная встрѣча совершенно перемѣнила мои намѣренія и я постараюсь отдѣлаться отъ братца прежде. чѣмъ отправлюсь въ золотую страну.

— Но какъ же?

— При первомъ удобномъ случаѣ я отправлю его къ отцу, возьму его бумаги года два или три пропутешествую. Въ это время ты воротишься назадъ, разузнаешь обстоятельнѣе о его жизни и об-

становкѣ, сообщить все это мнѣ, и тогда я удобно могу разыграть роль мнимаго Каверлея, тѣмъ болѣе что время изгладить изъ памяти всѣхъ многія черты и привычки моего соперника.

Двойникъ, окончивъ рѣчь, выразительно съ какимъ то особенно торжествующимъ видомъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

Послѣдній съ подобострастіемъ глядѣлъ на злодѣя и радостно проговорилъ.

— Карлъ, ты геній!

Намъ должно слѣдить теперь за каждымъ шагомъ и движеніемъ этого человѣка.

— Вѣрно.

— Я буду наставлять и руководить тебя. что нужно будетъ дѣлать.

Пока происходилъ этотъ разговоръ между этими господами, Каверлей стоялъ на другомъ концѣ парохода, опершись на перила и пристально смотрѣлъ на морскія волны. Мысли его неслись къ оставленной семьѣ и онъ думалъ о неожиданности. случившейся съ нимъ, которая оторвала его отъ роднаго края и заставила бѣжать. Мало-по-малу онъ пришелъ къ одному для себя вопросу: куда ѣхать и гдѣ высадиться? Не задолго передъ этимъ онъ воротился въ Англію, изъѣздивъ почти весь европейскій континентъ; имѣя характеръ подвижной и любознательный, онъ скучалъ при одной мысли, что ему придется побывать въ прежнихъ мѣстахъ и видѣть одно и тоже.

— Если,—думалъ онъ про себя; ужъ мнѣ такъ пришлось внезапно вновь отправиться путешествовать, то не лучше ли скуку разнообразными новыми картинами природы и нравами людей? Пароходъ плыветъ въ Австралію, я слыхалъ много объ этой странной землѣ, не отправиться ли туда и изучить ее?

Задавшись разъ этой мыслью, Кавер-лей, наконецъ, рѣшительно остановился на ней. Онъ подозвалъ къ себѣ Роберта и сказалъ ему:

— Робертъ, садись на пароходъ, я не зналъ куда ѣду. Тебѣ сказалъ, что мы выйдемъ въ какой-нибудь европейской гавани на берегъ, но теперь я перемѣнилъ свое намѣреніе. Я думаю отправиться въ Австралію.

— Какъ угодно, сэръ.

— Но едва ли ты захочешь слѣдовать за мной?

— Почему вы такъ думаете?

— Это, во-первыхъ, далеко, а потомъ я долженъ тебѣ сказать, что подобное путешествіе сопряжено и съ опасностью.

— Такъ что жъ пологаете, сэръ?

— Я думаю, не лучше ли тебѣ будетъ воротиться назадъ?

— Сэръ, если вы хочете прогнать меня отъ себя...

— Вовсе нѣтъ.

— А если такъ, то позвольте слѣдовать за вами; я положилъ такъ, что не покину васъ до тѣхъ поръ, пока живъ.

— Въ такомъ случаѣ мы съ тобой отправляемся въ чудную землю... но тутъ Каверлей невольно взорогнулъ и, точно наступилъ на скорпіона, отскочилъ назадъ.

Въ эту минуту мимо ихъ прошелъ Карлъ и пристально взглянулъ на Каверлея. Его жгучій взглядъ такъ былъ проницателенъ, что какъ будто на сквозь хотѣлъ пронизать молодаго человѣка. Когда онъ отошелъ отъ Каверлея, послѣдній, проведя рукой по волосамъ, сказалъ:

— Не знаю почему, но этотъ человѣкъ очень не нравится мнѣ.

— И не мудрено, сэръ.

— Это почему?

— Это одинъ изъ большихъ негодяевъ, я немного знаю его.

— Но кто онъ?

— Вы знаете старую Аделину?

— Которая нанимаетъ на моей землѣ ферму?

Точно такъ, сэръ.

Она, кажется, добрая женщина?

Правда. но за то ея сынъ никуда не годный человѣкъ, и это онъ прошелъ мимо васъ.

— Я интересуюсь имъ. разскажи, что знаешь о немъ.

— Извольте, сэръ. Въ то время, когда его мать честнымъ трудомъ достаетъ себѣ хлѣбъ, онъ живетъ въ Лондонѣ, шатается

по трактирамъ и мошенничаетъ, обыгрывая неопытныхъ людей. Когда же онъ, отъ распутной жизни, доходитъ до послѣдняго пфенинга, онъ требуетъ денегъ отъ матери и несчастная женщина на столько къ нему слаба, что отсылаетъ ему послѣднюю свою кроху. Удивляюсь только одному: для чего онъ очутился здѣсь, съ какой цѣлью и что затѣваетъ? Однако, если желаете. сэръ, я постараюсь разузнать объ этомъ.

— Не трудись, я болѣе ничего не хочу знать о такомъ человѣкѣ... Но какое поразительное сходство со мной,—подумалъ Кавердей про себя,—и я предчувствую что то недоброе въ этой встрѣчѣ...

Въ эту минуту раздался звонокъ, призывающій поссажировъ къ общему, столу и Кавердей спустился въ каюту.

Глава VI.

Злодѣйское покушеніе.

Прошло уже недѣли три послѣ описаннаго разговора и особенно важнаго ничего не случилось. Пароходъ, принесшись по волнамъ Атлантическаго океана, обогнулъ, наконецъ, южную оконечность Америки и вступилъ въ необозримыя воды Великаго океана.

Однообразны и утомительны были сцены для нашихъ путешественниковъ, разнообразясь впрочемъ, когда пароходъ заходилъ въ гавани, чтобы запастись тонли-

вомъ или водой, или когда, съ дозволенія капитана, устраивалась охота на акулъ, которыя, по обыкновенію, слѣдили за судномъ, подстерегая какую нибудь для себя добычу съ него.

Каверлей во все это время рѣдко выходилъ на палубу, не желая встрѣчаться съ своимъ двойникомъ, который окончательно опротивѣлъ ему. Послѣдній же и его товарищъ неотступно слѣдили за каждымъ шагомъ Каверлея и, точно хищные волки, подстерегли свою добычу. Карлу и Сефенсу очень хотѣлось завести знакомство съ Робертомъ, чтобы узнать отъ него о предметѣ своего преслѣдованія; но вѣрный слуга, инстиктивно угадывая въ ихъ поступкахъ что-то недоброе, зловѣщее, всегда уклонялся отъ разговора съ ними. Узнали они одно только, что Каверлей, какъ и они, отправляется въ Ав-

стралію. По этому поводу у нихъ произошелъ слѣдующій разговоръ, когда они вошли въ величественный Великій океанъ:

— Стефенсъ, проговорилъ Карлъ, вынимая изо рта трубку и сплевывая въ сторону, какъ не слѣжу я за этимъ братцемъ, но онъ ускользаетъ отъ меня и не даетъ перехитрить... Досадно!

— Не оставить ли его?

Карлъ испустилъ звукъ похожій, на шипѣніе змѣи, и продолжалъ.

— Это не въ моихъ разсчетахъ. Вчера его слуга, этотъ проклятый медвѣдь, проговорилъ, что они отправляются въ Австралію.

— Э!..

— Да.

— Что же думаешь теперь дѣлать?

— Это помогаетъ мнѣ, хотя еще на нѣсколько времени отдаляетъ меня отъ цѣли.

— Вѣроятно, онъ не преминетъ побывать и на золотыхъ пріискахъ Бенгама.

— Я такъ полагаю; если не для пріисканія золота, то изъ любопытства.

— Такъ значитъ тамъ?

— Да...

Карлъ хотѣлъ еще что-то сказать своему собесѣднику, какъ внезапно замолчалъ, сильно толкнулъ въ бокъ Стефенса и показалъ головой въ право отъ себя.

Тамъ, свѣсившись черезъ бортъ, Каверлей въ задумчивости, глядѣлъ на сине-зеленоватыя волны. Стефенсъ вопросительно взглянулъ на непріятеля. Послѣдній тихо прошепталъ, наклонясь къ нему къ уху:

— Глупецъ, неужѣ-то ничего не понимаешь?

— Гм...

— Случай удобный... слушай: ты пройдешь мимо его, роняешь на полъ свою шапку, наклоняешься, хватаешь сэра за ноги, сбрасываешь въ море; при этомъ добрый ударъ въ грудь.., вѣдь ты кажется, на это мастеръ.

Стефенсъ отвратительно ухмыльнулся.

Это одинъ былъ изъ тѣхъ отъявленныхъ и закоренѣлыхъ злодѣевъ, которые

могутъ всегда и вездѣ хладнокровно броситься на человѣка, но тогда, когда жертва не подозрѣваетъ своей опасности и врага. Закоренѣлый злодѣй, готовый на всякое страшное дѣло, Стефенсъ въ тоже время въ душѣ былъ трусъ. Въ этомъ онъ расходился съ своимъ товарищемъ, который былъ смѣлъ, рѣшителенъ, и уступалъ ему въ соображеніи и понятливости.

Карлъ Бардъ—такъ была фамилія двойника—давно сошелся съ этимъ негодяемъ въ одной изъ тѣхъ лондонскихъ таверенъ, въ которыхъ собирается отребье общества, для кутежа и совѣщаній. Ему понравился Стефенсъ и онъ понялъ его характеръ; дѣйствуя на него силой своего ума, Бардъ совершенно подчинилъ его своей волѣ и употреблялъ въ своихъ дѣлахъ, какъ охотникъ насылающій свою собаку на слѣдъ звѣря.

— Ну, чтожъ? снова началъ Бардъ, обращаясь къ Стефенсу.

— Стефенсъ посмотрѣлъ кругомъ. Около Каверлея никого не было, онъ былъ одинъ и, казалось, весь погрузился въ самого себя. Тогда злодѣй медленно приподнялся съ мѣста, ощупалъ свои карманы, какъ бы ища въ нихъ чего-то, и тяжелой поступью направился къ молодому человѣку.

Въ это время въ воздухѣ уже нѣсколько потемнѣло и поднимался густой туманъ. Стефенсъ поровнялся съ своей жертвой и на мгновеніе остановился, бросивъ быстрый взглядъ, не слѣдитъ ли кто за нимъ. Никто изъ находившихся въ это время на палубѣ не обращалъ на него вниманія, всякій былъ занятъ дѣломъ или разговоромъ. У Стефенса отъ радости забилось

сердце. Но злодѣй не замѣтилъ, что на него изъ за наваленныхъ по близости Каверлея тюковъ глядѣли зорко два глаза. Это были бдительные взоры вѣрнаго Роберта. Онъ уже давно замѣтилъ, что эти двѣ личности слѣдятъ са его господиномъ; зная Барда онъ выводилъ изъ этого заключеніе, что послѣдній замышляетъ что-то недоброе и рѣшился зорко смотрѣть за всѣми поступками его.

Въ то время, когда Бардъ и Стефенсъ разговаривали между собой, Робертъ лежалъ около тюковъ и видѣлъ всѣ движенія Стефенса. Его сердце дрогнуло, когда онъ замѣтилъ, что Стефенсъ пошелъ въ сторону, гдѣ стоялъ Каверлей.

— Этотъ мерзавецъ задумалъ что-нибудь худое противъ сэра, подумалъ про себя Робертъ, — ну берегись, плутъ, я

проучу тебя! Съ этой мыслью онъ приподнялся на корточки и, скрываемый однимъ тюкомъ, готовъ былъ броситься на помощь, лишь только примѣтить опасность.

Поровнявшись съ Каверлеемъ, Стефенсъ, какъ бы нечаянно, уронилъ изъ рукъ шапку и нагнулся поднять ее. Все это было сдѣлано такъ быстро и тихо, что молодой человѣкъ ничего не слыхалъ. Злодѣй протянулъ было одну изъ своихъ жилистыхъ рукъ, чтобы схватить его за ногу, а другой сжималъ карманный ножъ, съ намѣреніемъ поразить Каверлея во время его паденія на воду. Но въ это самое мгновеніе, когда онъ уже прикасался къ своей жертвѣ, послышался громкій крикъ:

— Берегитесь, сэръ!...

И, подобно молніи, Робертъ выскочилъ изъ-за своей засады, подскочилъ къ Стефенсу и изъ всѣхъ силъ ударилъ его по головѣ. Злодѣй, ошеломленный ударомъ, со стономъ покатился по палубѣ; но въ ту же минуту поднялся на ноги, зарычалъ отъ бѣшенства и, сжимая въ рукѣ ножъ, готовъ былъ броситься на Роберта, который, схвативъ случайно валявшуюся на палубѣ палку, сталъ въ оборонительное положеніе, готовый встрѣтить своего врага.

Вся эта сцена произошла быстрѣе, чѣмъ она разсказана. Каверлей, выведенный изъ своей задумчивости происшедшимъ шумомъ, обернулся и, увидя противниковъ, готовящихся бросится другъ на друга, сталъ между ними. Около нихъ вскорѣ столпились многіе изъ пассажировъ.

— Что такое случилось, Робертъ?

— Этотъ негодяй, сэръ, покушался на вашу жизнь, сверкая глазами отвѣтилъ Робертъ.

— Лжешь! крикнулъ Стефенсъ, я хотѣлъ поднять шляпу, а ты меня ударилъ... но погоди, ты дорого заплатишь за это мнѣ.

— Я не боюсь твоихъ угрозъ...

Шумъ становился всѣ сильнѣе. Одни были за Роберта, а другіе—за Стефенса. Наконецъ, на шумъ явился старшій вахтенный офицеръ и возстановилъ порядокъ. Не зная кто изъ спорящихъ правъ и кто виноватъ, такъ какъ ни у того ни у другаго не было свидѣтелей, онъ рѣшилъ, чтобы обоихъ запереть въ люкъ, предва-

рительно связавъ ихъ, и въ теченіи сутокъ не давать пищи, кромѣ четвертой доли сухарей, объявивъ при этомъ въ назиданіе всѣмъ, что если случится подобный безпорядокъ, то виновные отвѣдаютъ матросскихъ линьковъ.

Глава VII.

Гибель парохода въ Восточномъ океанѣ.

До сихъ поръ плаваніе шло благополучно. Погода стояла благопріятная и „Берингэмъ“ не вытерпѣлъ ни одной бури счастливо миновавъ и экваторъ, и поясъ ураганов.

Было 2-е іюля. „Верменгэмъ“ находился уже недалеко отъ Австралійскаго материка, вступивъ въ такъ называемое Коралловое море, прозванное потому, что

дно его было усѣяно этими опасными скалами и рифами.*) Утро было туманное, но воздухъ сталъ мало-по-малу проясняться и вдругъ вахтенный, стоявшій на часахъ, крикнулъ:

— Земля!

Сейчасъ же было доложено капитану объ этомъ. Онъ поспѣшно вышелъ на

---

*) Коралловые отмели и острова особенно размножены въ Великомъ океанѣ и около восточныхъ береговъ Австраліи. Они образуются вслѣдствіе смерти подводныхъ полиповъ и такимъ образомъ полипъ, микроскопическое животное, прикрѣпляется на днѣ морскомъ къ какому-нибудь возвышенію; здѣсь онъ отлагаетъ изъ себя известковое вещество, которое имѣетъ форму маленькой трубочки, внутри которой и помѣщается животное. По мѣрѣ его расположенія, размножаются и эти трубочки, такъ что вскорѣ образуется известковая подводная мель. Она увеличивается быстро, такъ какъ животныя образуютъ свои постройки очень скоро и появляется съ теченіемъ времени лагуна, а потомъ и островъ.

верхъ, въ самомъ дѣлѣ,*) на горизонтѣ обрисовывались утесы горъ. Капитанъ, внимательно разсмотрѣвъ ихъ, убѣдился, что видитъ горный хребетъ. Пароходу было дано направленіе къ предполагаемому берегу земли. Черезъ четверть часа капитанъ, желая узнать глубину, приказалъ бросить лотъ. Онъ показалъ только восемнадцать сажень глубины; въ то же время мнимыя горы превратились въ тучи и тутъ только капитанъ убѣдился въ своей ошибкѣ. Онъ немедленно приказалъ дать пароходу задній ходъ, но было уже поздно: „Бермингэмъ“ на всемъ ходу налетѣлъ на мель и среднею частью насѣлъ на подводный рифъ. Толчекъ былъ стра-

*) Происшествіе справедливое. Оно случилось въ 1816 г. при кораблекрушеніи одного французскаго фрегата. Слѣдующія за этимъ подробности также взяты изъ дѣйствительной жизни. Само описаніе кораблекрушенія фрегата „Медузы“.

шный. Между всѣми пассажирами раздалися общій крикъ ужаса и отчаянія. Но капитанъ не потерялъ присутствія духа и надежды на спасеніе. Въ мигъ онъ вызвалъ всю свою команду и способныхъ къ работѣ пассажировъ на верхъ, и употреблялъ всевозможное стараніе, чтобы сгащить пароходъ и дать ему ходъ.

По его приказанію, матросы убрали паруса, сняли мачты; другіе бросились въ люкъ, выкачивали воду ведрами, шляпами, всѣмъ чѣмъ попало и старались задѣлать течь. Работа кипѣла до самой ночи, продолжалась она и въ теченія ея, не смотря на утомленіе и усталость людей; однако все было напрасно: къ общему ужасу, течь увеличивалась и нижняя часть парохода была затоплена водой.

Каверлей, какъ и всѣ англичане, лю-

бившій море, знакомъ былъ съ его опасностями и понималъ дѣло. Онъ по утру же замѣтилъ, что мало оставалось надежды спасти пароходъ, но, не говоря никому о своихъ опасеніяхъ, даже Роберту, молодой человѣкъ прямо подошелъ къ работавшему вмѣстѣ съ другими капитану, отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Капитанъ, скажите откровено, есть возможность, по вашему мнѣнію, спасти пароходъ?

— Нѣтъ, уныло отвѣтилъ послѣдній.

— Такъ надо подумать о средствахъ спасенія.

— Спасти можетъ только одно чудо.

Каверлей задумался; но минутъ черезъ пять, какъ бы вдохновенный свѣтлой мыслію, продолжалъ:

— Скажите, сколько человѣкъ на пароходѣ?

— Около четырехъ сотъ.

— Но сколько у васъ ботовъ?

— Всего шесть.

— Въ такомъ случаѣ вотъ мой совѣтъ: попытаться устроить плоты.

— Изъ чего?

— Для этого прекрасный матеріалъ дадутъ мачты и боковой обшивокъ парохода.

Капитанъ, пораженный этимъ, живо схватилъ его за руку и радостно произнесъ:

— Благодарю!... вы подали новую надежду мнѣ.

— Я совѣтывалъ бы, продолжалъ Каверлей, устроить плоты такъ, чтобы они имѣли въ длину шестьдесятъ шаговъ, а въ ширину двадцать. Нѣсколько такихъ плотовъ, связанныхъ другъ съ другомъ, удобно могутъ вмѣстить на себѣ двѣсти человѣкъ...

— Погодите, но вы, кажется, позабыли что плоты не будутъ имѣть ни мачтъ, ни парузовъ... О, Боже! сперва я было сильно обрадовался вашему плану, но теперь вижу, что едва ли ваши плоты будутъ полезны: люди погибнутъ, какъ плоты будутъ плыть на морѣ?

— Утопающій хватается за соломенку, капитанъ. Я предложилъ бы такъ: въ лодки вы посадите матросовъ и остальной народъ, которымъ прикажете на канатахъ буксировать за собой плоты.

— Вы нашъ спаситель! я попытаюсь исполнить вашъ планъ! вскричалъ капитанъ и тутъ же не медленно распорядился о постройкѣ плотовъ.

Люди, оживленныя надеждой подъ руководствомъ Каверлея, съ новой энергіей принялись за плоты. Но между тѣмъ когда эти несчастные пытались спасти свою жизнь, вѣтеръ начиналъ крѣпчать и дуть съ особенной силой, гибельное море начало вздуваться, волны заходили по немъ, хлестали черезъ бортъ, какъ бы сердясь, что жертвы стараются напрасно избѣгнуть своей горькой доли.

И кряхтѣлъ, и стоналъ подъ напоромъ сѣдыхъ волнъ „Бермингэмъ“, выдерживалъ онъ съ нимъ роковую борьбу два дня, а на третій, къ утру, раздался страшный трескъ и пароходъ треснулъ на двѣ части,

руль оторвался и повисъ на одной цѣпи позади его, качаясь и ударяясь въ пароходъ, которому своими ударами наносилъ страшный вредъ. Всѣ видѣли теперь, что надо, какъ можно скорѣе, оставить пароходъ, въ которомъ на столько увеличилась течь, что вода достигла уже до перваго этажа.

Къ этому времени постройка плотовъ была уже совершенно окончена. Они, и лодки были спущены въ воду; тогда-то поднялась всеобщая тревога и смятеніе. При видѣ спасительныхъ плотовъ и той страшной опасности, которая съ каждой минутой увеличивалась на пароходѣ и грозила неминуемой гибелью, людьми овладѣлъ паническій страхъ и отчаяніе. Всѣ толпами; тѣсня и давя другъ друга, въ величайшемъ безпорядкѣ бросались съ парохода на плоты и лодки, то спускаясь

по кантамъ, то прямо прыгая на нихъ съ борта. Иныя летѣли въ воду, другіе разбивались, достигнувъ плотовъ, о дерево, сдѣлавъ отчаянный прыжокъ. Къ довершенію смятенія, пользуясь минутой безначалія, бросались къ бочкамъ съ виномъ, разбивали ихъ и съ жадностью глотали водку до тѣхъ поръ, пока всѣ приходили въ сильнѣйшее опьяненіе и безпамятствованіе, тутъ же валились съ ногъ, не въ состояній не будучи пошевелить ни однимъ членомъ. Крики отчаянія стоны, проклятія и ругательства, смѣшиваясь съ шумомъ бушующаго моря, производили потрясающую душу хаосъ. Напрасно были усилія капитана, офицеровъ и немногихъ изъ благоразумныхъ пассажировъ, чтобы возстановить порядокъ: ихъ никто не слушалъ, не обращалъ на слова и угрозы ихъ никакого вниманія и только всякій старался скорѣе бѣжать съ паро-

ходя дѣлая то, что ему приходило въ голову.

Наконецъ послѣ страшной сумотохи, люди всѣ перебрались на плоты; послѣдними сошли капитанъ, Каверлей и бардъ, который привсеобщей тревогѣ оказалъ необыкновенное присутствіе духа. На плотахъ помѣстилось до ста человѣкъ; самая большая четырнадцати весельная лодка приняла тридцать пять человѣкъ, другая до сорока, остальныя, въ восемь веселъ, вместили въ себя до двацати восьми человѣкъ; на несчастномъ пароходѣ осталось до восемнадцати людей изъ матросовъ и пассажировъ, которые до того опьянѣли, что не могли двинуться съ мѣста, ни подумать о своемъ спасеніи, когда все не много поуспокоились, тогда только увидали, какое несчастіе произвелъ бозпорядокъ и неповиновеніе. Въ суматохѣ забы-

ли о самомъ главномъ именно запастись достаточной провизіей. На плотахъ хотя и былъ большой запасъ вина, но не было ни одной бочки съ сухарями; въ лодкахъ было свалено такихъ бочекъ тоже очень мало, вмѣстѣ съ однимъ боченкомъ прѣсной воды остальной же запасъ остался на пароходѣ или былъ брошенъ въ воду во время всеобщей тревоги.

Глава VIII.

Ужасный голодъ.

Плоты назначено тащить тремъ самымъ большимъ лодкамъ; находившіяся на нихъ люди поклялись свято исполнять свою обязанность и вотъ въ то время, когда пароходъ сталъ погружаться на дно, флотилія при всеобщемъ кликѣ:

— Да поможетъ и спасетъ насъ Богъ! отплыла отъ мѣста крушенія.

Не смотря на то, что на море было волненіе. люди, только что избѣгшіе угрожавшей опасности на нѣсколько времени подкрѣпляемые надеждой, ободрились, и считали себя, если не совершенно спасенными, то счастливо ушедшими отъ неминуемой гибели. Перенеся такія страшныя минуты, многіе теперь плакали отъ восторга, обнимали и цѣловали другъ друга. Но бѣдные не знали, что невзгода еще только начиналась.

Свободные лодки скоро скрылись изъ виду; оставшіяся три, которые тащили плоты отойдя мили двѣ отъ погибавшаго парохода и видя, что плоты замедляютъ ихъ плаваніе, обрубили канаты и оставили на произволъ судьбы своихъ товарищей по несчастью.

Такъ жестоко покинутые на плотахъ люди находились въ отчаянномъ положе-

ніи. Единственный запасъ ихъ провизіи состоялъ въ двадцати пяти фунтахъ сухарей, которые, бывъ подмочены морской водой превратились въ одно соленое тѣсто. На сотню людей оставалось шесть бочекъ съ виномъ и двѣ съ водой, и, къ довершенію бѣды, прежде ухода лодокъ были брошены въ море нѣсколько бочекъ съ мукой для облегченія груза и для очистки мѣста людямъ; при этомъ на плотахъ не было необходимыхъ ни инструментовъ, ни картъ и только сохранился небольшой компасъ. Какъ не старались облегчить грузъ, но онъ на столько былъ еще великъ, что передняя и задняя часть плотовъ были покрыты на вершокъ водой, оставляя свободной отъ нея только середину. Кто занялъ тутъ мѣсто, тотъ считалъ себя счастливымъ, ибо тѣ, которые должны были находиться впереди и назади, стояли въ водѣ.

Въ первыя минуты, когда лодки скрылись изъ виду, люди, оставшіеся на плотахъ, пришли въ страшное отчаяніе, которое потомъ превратилось въ неистовое бѣшенство.

Проклятія загремѣли въ воздухѣ; многіе въ бѣшеномъ отчаяніи, думая, что все сгибло и смерть неизбѣжна, бросились другъ на друга. Началась свалка. Капитанъ и Каверлей съ пистолетами въ рукахъ кинулись въ средину ея и имъ съ большимъ трудомъ стоило возстановить хотя небольшое спокойствіе. Окончивъ это, капитанъ приказалъ на плотахъ устроить мачту и укрѣпить парусъ. Эта работа на нѣсколько времени заняла всѣхъ и успокоила. Послѣ этого Каверлей, которому поручено было завѣдывать раздачей пищи, занялся ея раздѣломъ. По окончаніи волненія, онъ сначала раздѣлилъ подмочен-

ные сухари и объявилъ, что къ вечеру будетъ раздача порцій. Онъ понималъ, что при маломъ количествѣ продовольствія, которое находилось на плотахъ и при неизвѣстности своего положенія, нужна крайняя бережливость, почему и назначилъ по третьей части порціи вина въ день на человѣка.

При такой скудной раздачѣ скоро не замедлилъ у всѣхъ появиться голодъ; но въ первый день люди, понимавшіе свое безвыходное положеніе и надѣявшіеся хоть къ утру увидать землю, всѣми силами старались преодолѣть томленіе и сохранить бодрость и спокойствіе. Вслѣдствіе этой рѣшимости этотъ день прошелъ довольно спокойно.

Настала ночь. Къ началу ея вѣтеръ усилился и волны начали перекатываться че-

резъ плоты, кто былъ по слабѣе и не осторожнѣе, тотъ былъ увлеченъ ими на дно моря. Къ утру не досчитались двадцати человѣкъ изъ этихъ несчастныхъ. Но какъ ни ужасна представлялась живымъ людямъ утренняя картина смерти, однако между ними находились два человѣка, которые вовсе не заботились о ней и были заняты иными мыслями.

Не вдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ была укрѣплена мачта, стояли два человѣка. Это кыли Бартъ и Стефенсъ. Лицо перваго было покойно и на немъ отражалась какаь-то отчаяная рѣшительность; у второго оно было искажена испугомъ, но, повинуясь могучей волѣ своего товарища, онъ старался принять добрый видъ и внимательно слушалъ его рѣчь. Бартъ пристально смотрѣлъ на мачту, въ срединѣ который былъ прикрѣпленъ капитаномъ

мѣшокъ съ деньгами, которыя ему было поручено отъ одного торговаго дома отвести въ Бомбей.

— Стефенсъ тихо говорилъ Бартъ: ты видишь этотъ мѣшокъ?

— Вижу!

— А знаешь ли, что заключается въ немъ?

Стефенсъ отрицательно покачалъ головой.

— Такъ знай, что въ немъ находятся стерлинги.

— Ге!

— Да и знаешь сколько? тысячъ пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ. Я слышалъ это отъ капитана?

— Сумма хорошая.

— Не дурна, а потому я хочу воспользоваться ею. Не знаю, спасемся мы или нѣтъ, но эти деньги нужно добыть. Я того мнѣнія, что если мы благополучно достигнемъ земли, то стерлинги намъ пригодятся, а потому ими должно запастись заранѣе.

— Карлъ, ты предусмотрительный человѣкъ и не теряешь духа не при какой опасности.

— Это было бы глупо.

Но какъ же ты думаешь завладѣть ими?

— А вотъ какъ: постараться нужно будетъ произвести возмущеніе; это очень легко при теперешнемъ положеніи и отвлечь отъ мачты капитана, Каверлея и его проклятаго слугу.

— А потомъ что.

— Потомъ... ты, кажется былъ матросомъ?

— Былъ.

— Значитъ тебѣ не въ диковинку будетъ добраться до золотаго мѣшка по мачтѣ и срѣзать его во время общаго смущенія.

— А! теперь я понимаю.

— Смотри же, а остальное мое дѣло. Вѣрно ты голоденъ; на вотъ тебѣ сухарей, подкрѣпись... я умнѣе всѣхъ и достаточно запасся, заключилъ онъ, вынимая тихонько изъ кармана горсть сухарей.

И это говорилъ человѣкъ въ то время, когда кругомъ разгуливала смерть! Бартъ принадлежалъ къ породѣ тѣхъ людей, которые въ наше время чрезвычайно расплодились и ради своей разживы не останавливаются ни передъ чѣмъ, не боятся никакой опасности и готовы рѣшиться на все. Это былъ типъ смѣлаго аферистамошенника. По моему, эти два слова равносильны одно другому и выражаютъ одну мысль.

Въ то время, когда Бартъ замышлялъ воровство, уже наступило утро. Несчаст-

ные пловцы, проведши всю ночь безъ сна, съ наступленіемъ свѣта нѣсколько оживились и въ этомъ состояніи думали, что скоро передъ ихъ глазами появится земля. Но по мѣрѣ того, какъ скатывалось солнце по небесному своду и спасительнаго берега не появлялось, несчастными овладѣло мрачное отчаяніе, которое постепенно увеличивалось отъ голода.

Настала ужасная пора. Третьи уже сутки люди, при безпрестанной работѣ и утомленіи, не получали никакой укрѣпительной пищи. Теперь, мучимые голодомъ, они бросались на все, чтобъ хоть нѣсколько уменьшить свои страданія. Они рвали рубашку, рѣзали ремни, подошвы и глотали ихъ съ жадностью, чтобы хоть чѣмъ нибудь наполнить желудокъ; но это еще болѣе усиливало муки.

На четвертые сутки голодъ дошелъ до послѣднихъ предѣловъ. Едва начало темнѣть, какъ къ Каверлею подошелъ Робертъ. Лицо его выражало ужасъ, оно было блѣдно какъ полотно.

— Что съ тобой! спросилъ Каверлей.

— Сэръ, отвѣчалъ онъ, я видѣлъ сейчасъ ужасныя вещи...

— Какія?

— Страшно выговорить, посмотрите сами, и онъ указалъ на самый дальній плотъ.

Каверлей подошелъ туда и задрожалъ всѣмъ тѣломъ при видѣ того, что представилось его глазамъ. Человѣкъ десять

изъ несчастныхъ, обезумѣвшіе отъ голода, съ помутившимися глазами и пѣной у рта, сидѣли вокругъ трупа своего товарища, рѣзали и дѣлили между собой части его тѣла, готовясь ѣсть ихъ.

— Несчастные, что вы дѣлаете? внѣ себя крикнулъ Каверлей и бросился къ нимъ, стараясь отнять трупъ.

Дико взглянули на него обезумѣвшіе люди, словно звѣри, увидя, что отъ нихъ отнимаютъ добычу и гурьбой набросились на молодаго человѣка. На помощь къ нему подоспѣлъ Робертъ. Завязалась отчаянная борьба, но она была коротка: люди обезсиленные голодомъ, не могли сопротивляться Каверлею, обладавшему геркулесовской силой. Вскорѣ онъ сбилъ ихъ всѣхъ съ ногъ, велѣлъ перевязать, а трупъ

бросить въ море. Когда онъ возвращался назадъ, то сердце его наполнилось новымъ ужасомъ: многіе изъ людей на плоту испускали вопли отчаянія, рвали на себѣ волосы, протыкали жилы и жадными губами высасывали свою кровь; иные же, не въ состояніе будучи сносить болѣе мученій, потерявъ всякую надежду на спасеніе и упавъ совершенно духомъ, предпочитали смерть жизни и добровольно кидались въ море. Каверлей немедленно распорядился, чтобъ такихъ несчастныхъ связывали и прикрѣпляли бы къ доскамъ веревками; но, увы? ихъ уже не оказывалось болѣе: все было съѣдено.

Скрѣпя сердце, онъ подошелъ къ капитану. Послѣдній сидѣлъ на плоту, прислонясь къ мачтѣ. Лицо его было искажено страданіями. Онъ тихо сказалъ молодому человѣку:

— Каверлей, что тамъ такое случилось.

Онъ разсказалъ ему все.

Уныло опустилъ на грудь голову капитанъ, слеза выкатилась изъ его глазъ и онъ, тяжело вздохнувъ, продолжалъ:

— Каверлей, до васъ есть просьба у меня.

— Говорите.

— Если вы спасетесь, то передайте деньги въ мѣшкѣ въ Бомбей дому Лури.

— Хорошо.

— Еще одно прошу: когда я умру, то немедленно велите бросить меня въ море, а то страшно быть съѣденнымъ.

— Къ чему отчаянія!..

— Я чувствую уже смерть въ груди, нѣтъ силъ дольше выносить страданіе... исполните же просьбу... дайте вашу руку.

Каверлей подалъ ему руку; капитанъ сжалъ ее и продолжалъ:

— Да снимите съ груди моей медальонъ. въ немъ находится портретъ моей жены. Она живетъ въ Ливерпулѣ; отошлите его къ ней и скажите, что и умирая, я помнилъ ее... О, Боже, помилуй меня!

Грудь стѣснилась у молодого юноши, слезы подступили къ горлу и душили его, а въ это время тихо скатился на доски капитанъ и раздалось предсмертное дыханіе. Каверлей молча снялъ съ груди

его медальонъ, поцѣловалъ умершаго и отнесъ самъ на край плота. гдѣ и отпустилъ тѣло въ волны.

По смерти капитана, Каверлей остался главнымъ распорядителемъ плотовъ и старался, по возможности, поддерживать хоть слабую надежду на спасеніе въ грудяхъ несчастныхъ товарищей по страданію.

Глава IX.

Бунтъ.

Прошло еще нѣсколько ужасныхъ дней и ночей. Въ одинъ изъ нихъ несчастнымъ людямъ посчастливилось наловить большое количество летучей рыбы, что показалось бѣднякамъ величайшимъ счастіемъ и возбудило въ сердцахъ ихъ искреннюю благодарность къ Богу, и едва ли чьялибо молитва была теплѣе и усерднѣе, какъ ихъ. Но затрудненіе состояло въ

огнѣ; съ трудомъ удалось пловцамъ высѣчь огня и сварить рыбу, которая едва могла утолить ужасный голодъ.

Однако и эта помощь вновь оживила ихъ надеждой. Они стали надѣяться, что тотъ кто послалъ имъ пищу, скоро пошлетъ и спасеніе. Всѣ начали надѣяться, что, наконецъ, увидятъ какой-нибудь корабль или землю. Но страшныя испытанія бѣдняковъ еще не окончились. Вскорѣ выпелъ весь запасъ рыбы, болѣе она не попадалась; снова пришлось питаться виномъ. Въ это бѣдственное время на плотахъ оставалося не болѣе уже тридцати человѣкъ, походящихъ болѣе на тѣни, чѣмъ на живыхъ людей. Каверлей примѣромъ своимъ ободрялъ ихъ, отдавая несчастнымъ даже и ту часть порціи, которая должна была приходиться на долю его, всѣхъ на плотахъ болѣе свѣжести

силъ и бодрости сохранили Бартъ и Стефенсъ, тайно отм другихъ питаясь спрятанными сухарями, которыми предусмотрительный Бартъ наполнилъ при сходѣ съ парохода свои карманы, напихавъ ихъ и за рубашку и сапоги.

Голодъ доводилъ бѣдняковъ до невѣроятной свирѣпости. На шестой день ихъ плаванія два человѣка тайкомъ подобрались къ бочкѣ съ виномъ и начали пить водку. Это произвело всеобщеніе смятеніе. Несчастные толпой бросились на виновныхъ и прежде чѣмъ подоспѣлъ къ нимъ на выручку Каверлей, они бросили ихъ въ море, гдѣ въ ихъ же глазахъ преступники были съѣдены акулами, которыя, какъ бы угадывая обильную поживу, стадами вились около плотовъ, ни на секунду не выпуская ихъ изъ виду. Къ довер-

шенію голода присоединилось, наконецъ, и мученіе отъ жажды: вода вся вышла.

Тогда томительная жажда, увеличиваемая жгучими лучами тропическаго солнца, начала мучить несчастныхъ.

Подъ вечеръ, въ одинъ изъ такихъ страшныхъ дней, когда у несчастныхъ уже не оставалось почти никакой надежды на спасеніе и совершенное отчаяніе охватывало ихъ души, Бартъ и Стефенсъ вновь сошлись и первый сказалъ послѣднему:

— Стефенсъ. будь готовъ. Нынче я начну свое дѣло.

— Когда?

— Лишь стемнѣетъ, смотри, не прозѣвай мѣшка со стерлингами.

Какъ ни тихо сказалъ онъ эти слова, но послѣднія изъ нихъ были разслышаны Робертомъ, который случайно проходилъ мимо заговорщиковъ. Не подавъ имъ никакого вида, онъ немедленно пошелъ къ своему господину и сказалъ:

— Сэръ, у насъ начинается новая бѣда.

— Еще какая; Робертъ? кажется, уже и такъ довольно,

— Негодяй Бартъ и его товарищъ замысляли очень нехорошее дѣло.

— Не ошибаешься ли, Робертъ? правда, прежде и я считалъ Барта негоднымъ человѣкомъ; но разубѣдился въ этомъ, когда своими глазами увидалъ, какое самоотверженіе и твердость онъ выказалъ во все это бѣдственное время.

— А я говорю, что онъ хитеръ, какъ лясица... Повѣрьте, сэръ, онъ только старался усыпить вашу бдительность, а на самомъ дѣлѣ онъ хочетъ добраться до мѣшка со стерлингами, который виситъ на мачтѣ. Я самъ слышалъ, какъ онъ говорилъ объ этомъ.

— Ну, это ему трудно будетъ сдѣлать,—мѣшокъ оберегаемъ я и ты.

— Будьте осторожны. Я опасаюсь чтобы онъ не произвелъ возмущенія... поглядите, въ какомъ положеніи находятся люди, а въ этомъ состояніи можно рѣшиться на все...

Каверлей задумался. Подозрѣнія закрались въ его умъ. Помолчавъ, онъ сказалъ:

— Робертъ, можно ли намъ на кого-нибудь положиться изъ этихъ бѣдняковъ?

— Я знаю человѣкъ съ восемь—это честные люди, я думаю, скорѣе умрутъ, чѣмъ рѣшатся сдѣлать противъ совѣсти.

— Въ такомъ случаѣ приготовь ихъ на всякій случай. Если что-нибудь и случится, то старайся не отходить отъ мачты, когда въ другомъ мѣстѣ потребуется мое присутствіе.

— Слушаю, сэръ, и будьте увѣрены, что негодяи только черезъ трупъ мой достанутъ мѣшокъ.

— Вѣрю... но Боже, мой, кажется, вновь начинается непогода... да, такъ и есть... вѣтеръ крѣпнетъ и море снова забушевало.

Дѣйствительно на морѣ начиналось сильное волненіе. Высокія волны стали набѣгать на плоты и перебрасывать ихъ какъ ничтожную щепку. Темнота начинала сгущаться. Кавердей сталъ дѣлать распоряженія, необходимыя при этой новой опасности; повинуясь его голосу многіе взялись за работу, но въ сторонѣ осталась порядочная кучка людей, среди которыхъ находился Бартъ.

Какъ демонъ искуситель, онъ говорилъ несчастнымъ.

— Товарищи, нѣтъ болѣе надежды на спасеніе; вспомните, сколько горя и бѣдъ вытерпѣли мы за это время, неужели будемъ дольше страдать? Не лучше ли умереть и разомъ покончить съ своими муками, чѣмъ дальше томиться и придти къ одному концу?

Въ отвѣтъ ему слышались голоса:

— Мы умираемъ съ голоду!

— Смерть лучше!

— А если такъ, снова началъ Бартъ то умремъ веселѣе!.. товарищи, я знаю гдѣ храниться вино, возмемъ его и съ нимъ встрѣтимъ смерть.

— Веди насъ къ нему! крикнули безумцы.

— За мной!

И среди завыванія вѣтра, гула и шума волнъ, Бартъ провелъ ихъ къ одной изъ уцѣлѣвшихъ еще бочекъ, указалъ на нее—и въ минуту было выбито дно, несчастные съ жадностью прильнули къ текущему вину, глотали его, лизали и вско-

рѣ запьянѣли. Бѣдняки упивались, думая усладить этимъ послѣднія минуты своей жизни.

Но скоро опьяненіе перешло въ бѣшенство и страстное безумство. Поджигаемые словами Барта, они схватились за топоры, бросились къ плотамъ и пытались разрушить ихъ связь между собой, перерубая канаты. Къ счастію Каверлей во время замѣтилъ происшедшее волненіе; съ пистолетомъ въ рукѣ онъ бросился къ несчастнымъ.

— Стой! загремѣлъ онъ громовымъ голосомъ: первый, кто коснется каната, будетъ убитъ! клади назадъ топоры!

На секунду, пораженные его голосомъ, люди отступили: но болѣе смѣлые скоро ободрились и одинъ изъ нихъ, поднявъ топоръ, дико вскрикнулъ.

— Прочь, а не то смерть!

Каверлей спустилъ курокъ и несчастный полетѣлъ съ раздробленной головой на доски. Остальные отступили. Въ эту секунду на подмогу ему прибѣжали люди, оставшіеся вѣрными своему долгу и при помощи ихъ бунтовщики были усмирены. Каверлей приказалъ скрутить имъ руки, и они, разорвавъ остатки своихъ платьевъ, исполняли его приказаніе.

Между тѣмъ какъ эта сцена происходила на одномъ концѣ плотовъ, въ серединѣ разыгрывалась другая.

Въ ту минуту, когда появился среди волнующихся Каверлей, Бартъ, не желая встрѣчаться съ нимъ лицемъ къ лицу, и думая что онъ долженъ непремѣнно погибнуть подъ ударами разсвирѣпѣвшей

толпы, быстро отбѣжалъ отъ нея къ мачтѣ, предмету своихъ желаній, къ которой съ другой стороны подходилъ и Стефенсъ.

Оба думали, что при ней никого не встрѣтятъ, но жестоко ошиблись, когда увидали на готовѣ стоящаго Роберта съ однимъ изъ пассажировъ. Бартъ замѣтя, что тутъ дѣло не удалось, благоразумно остановился; но Стефенсъ, зажмуривъ глаза, понуждаемый единственно только алчностью и ненавистью къ Роберту, бросился впередъ съ ножемъ въ рукахъ, надѣясь одолѣть соперника своей силой и меньшимъ истощеніемъ.

— Ага, кликнулъ онъ: теперь-то, голубчикъ, ты не уйдешь отъ меня!

— Посмотримъ, хладнокровно произнесъ Робертъ, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ подскочить къ нему, выстрѣлилъ.

Пуля раздробила ногу злодѣя; онъ съ глухимъ проклятіемъ и стономъ повалился на полъ. Въ эту минуту подошелъ Каверлей.

— Что здѣсь случилось? спросилъ онъ.

— Я говорилъ, сэръ, что негодяи хотѣли украсть деньги; но я проучилъ его и онъ не скоро забудетъ это.

— Несчастный! грозно произнесъ Каверлей, подходя къ раненому! кто подучилъ тебя?

Стефенсъ въ бѣшенствѣ заскрежеталъ зубами, но ничего не отвѣчалъ; глаза его дико блуждали съ одного предмета на другой, какъ бы отыскивая кого-то.

— Ты сейчасъ же умрешь, если не скажешь кто виновникъ общей тревоги.

Стефенсъ вздрогнулъ; слова испугали его, но лишь только онъ хотѣлъ раскрыть ротъ, чтобы сказать имя виновнаго, какъ въ это мгновеніе набѣжала огромная волна, подхватила плотъ и поставила его почти перпендикулярно. Всѣ, кто только былъ въ силахъ, ухватились за доски, мачту, чтобы удержаться. Волна прошла. Плотъ принялъ нормальное положеніе, но когда Коверлей оглянулся на то мѣсто, гдѣ лежалъ Стефенсъ, его уже не было тамъ. Злодѣй скатился въ бездну.

Глава X.

Драгоцѣнный лимонъ.

Тяжело подѣйствовали на доброе сердце Каверлея происшедшія сцены. Изъ разспросовъ возмутившихся людей онъ узналъ, кто былъ главный виновникъ всего дѣла и потому рѣшился положить предѣлъ подобному на будущее время.

На утро слѣдующаго дня онъ подошелъ къ Барту и строго скалалъ ему:

— Бартъ, васъ обвиняютъ во вчерашнихъ безпорядкахъ.

Послѣдній нахально осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, отвѣчалъ:

— Прежде чѣмъ отвѣчу на это что нибудь, я самъ спрошу васъ: кто вамъ далъ право спрашивать меня?

— Я всѣми здѣсь выбранъ въ начальники.

Бартъ, улыбнувшись иронически, продолжалъ:

— Только не мной, сэръ, а потому я ничего и не отвѣчу вамъ.

Каверлей, не смотря на то, что отъ истощенія лишился свѣжести лица и былъ блѣденъ, какъ, смерть, отъ гнѣва теперь покраснѣлъ и сказалъ:

— Слушайте, Бартъ; если общая невзгода не вразумила и не исправила васъ, если вы, видя страданія всѣхъ, рѣшаетесь еще возбуждать ихъ къ собственной же гибели, то предупреждаю и говорю вамъ при малѣйшемъ еще безпорядкѣ, который будетъ произведенъ вами, я самъ, своими руками, брошу васъ въ море.

— Меня! Запальчиво крикнулъ Бартъ, приподнимаясь съ досокъ.

— Да, какъ негодяя!

Послѣднія слова произнесены были такимъ голосомъ, такъ твердо и рѣшительно; что Бартъ, не смотря на всю свою смѣлость и злобу, притихъ и словно дикій звѣрь усѣлся на прежнее мѣсто, чувствуя, что при малѣйшемъ сопротивленіи Каверлей приведетъ свою угрозу немедленно въ исполненіе.

Отойдя отъ него, Каверлей прошелъ на самый край плота и съ унылымъ видомъ началъ всматриваться въ синеватую даль. Кругомъ было тихо, море не волновалась и было прозрачно, на горизонтѣ поднимались облака въ самыхъ разнообразныхъ очертаніяхъ, которыя для неопытнаго взора казались хребтами высокихъ горъ. Нечаянно взоръ его скользнулъ на прозрачную поверхность воды и въ первый разъ, послѣ катастрофы съ пароходомъ, онъ увидалъ свой образъ— и испугался. Онъ увидалъ себя не красивымъ, полнымъ, цвѣтущимъ силой и здоровьемъ мужчиной, а скелетомъ, обтянутымъ кожей. И въ самомъ дѣлѣ, при мертвенной блѣдности лица, которая смѣшавшись съ загаромъ, произведеннымъ палящими лучами жгучаго солнца, переходила въ какой-то отвратительный синевато-желтый цвѣтъ, при страшной ху-

добѣ лица, обросшаго бородой и доходящей до самаго пояса; со всклоченными волосами, которыя падали на плечо космами, въ одеждѣ, висѣвшей клочьями на его тѣлѣ, онъ походилъ скорѣе на дикаря, стоящаго на самой низкой степени животнаго, чѣмъ на образованнаго европейца. Но не лучше и краше его были и остальные: даже Бартъ, который долѣе другихъ имѣлъ возможность подкрѣплять себя спрятанными сухарями страшно исхудалъ и походилъ на тѣнь.

— Боже великій, тихо проговорилъ про себя Каверлей, неужели мнѣ будетъ могилой глубокое море? Неужели уже для всѣхъ насъ не существуетъ спасенія?.. О, какъ тяжко, какъ велико страданіе мое: голодъ, точно огнемъ сжетъ всѣ мои внутренности. Когда же кончится мука моя? Мать, милая мать думаешь ли ты обо

мнѣ, чувствуешь ли, какъ страдаетъ твой сынъ?..

И изъ сухихъ глазъ этого твердаго, желѣзнаго человѣка выкатилась кровавая слеза, выкатилась и словно огнемъ пала на исхудалую грудь. Каверлей присѣлъ на концѣ плота, онъ чувствовалъ въ себѣ страшное безсиліе и утомленіе; ужасный голосъ рвалъ на части его внутренности; ему казалось, что кровь, будто огненной струей, переливается въ жилахъ, наполняетъ сердце и подливаетъ къ мозгу. Горитъ огнемъ голова; его мысли темнѣютъ, ему кажется все неяснымъ, какъ вдругъ видитъ себя въ своей зеленѣющей Англіи, кругомъ роскошныя поля, кипитъ на нихъ дѣятельная, трудовая жизнь, слышатся пѣсни и говоръ голосовъ, смѣшанныя со свистомъ паровоза, со стукомъ многочисленныхъ фабричныхъ ма-

шинъ. И вотъ онъ у себя въ замкѣ. Онъ покоится въ мягкихъ, роскошныхъ креслахъ, ему подаютъ любимый его ростбифъ... о, какъ соченъ и вкусенъ показался онъ. Кавердей съ ненасытной жадностью глотаетъ его, спѣшитъ рѣзать вкусные куски, ему кажется, что онъ все съѣлъ, но еще не сытъ. Онъ звонитъ и прислуга подаетъ ему пуддингъ.

— А, думаетъ онъ это отличная вещь, и въ мигъ поѣдаетъ поданное.

Но голодъ не унимается; ему хочется еще чего нибудь съѣсть, и внезапно передъ нимъ появляются жареные каплуны, индюки. Кавердей спѣшитъ ихъ рѣзать и глотать, запивая отличнымъ бургонскимъ виномъ.

Въ то время, когда Кавердею, истомленному, истощенному голодомъ, изнуренному

работой, представлялись такія видѣнія, вѣрный его Ребертъ стоялъ на другомъ краю плота и, не смотря на претерпѣваемыя муки съ мучительной тоской глядѣлъ на необъятное, пространство, которое ему представляло море. Изъ всѣхъ, находящихся на плоту, онъ одинъ еще не отчаявался въ надеждѣ на спасеніе. Онъ вѣрилъ твердо, что постигшее несчастіе было послано небомъ для испытанія ихъ твердости; но наконецъ оно умилосердится надъ ними, которые испытали сколько страданій, и пошлетъ избавленіе. Не разъ, въ то время, когда и самъ Каверлей колебался духомъ, Робертъ подкрѣплялъ его духовныя силы. И странно, человѣкъ болѣе развитой, понимающій, всегда получалъ новыя силы отъ простыхъ, но полныхъ вѣры, словъ Роберта.

Онъ говорилъ въ минуты отчаянія Каверлей:

— Сэръ, будьте тверды и вѣрьте въ благую волю Творца. Подумайте, Онъ смотритъ и печется о каждой пташкѣ, былинкѣ въ полѣ, которую мы попираемъ ногой и ни одна не исчезаетъ безъ Его воли. Мы люди согрѣшили; и, можетъ быть, Господь испытываетъ насъ.

Глубоковѣровавшій. Робертъ наизусть зналъ Евангеліе, изъ котораго, въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, всегда приводилъ убѣдительныя доказательства, Каверлей зналъ ихъ и самъ, но никогда они не проникали въ его умѣ съ такой силой, никогда они ему не казались такъ живительны и спасительны, какъ въ минуту грозной бѣды, когда страшная, мучительная смерть носилась повсюду, когда кипучая жизнь превращалась въ могильное молчаніе и когда онъ чувствовалъ, что человѣкъ есть одно изъ слабыхъ твореній; когда остался одинъ на одинъ съ

силой природы, ничтожное звѣно которой составляетъ онъ.

Всматриваясь въ даль въ надежду увидать какой-нибудь корабль. Робертъ говорилъ про себя одну изъ своихъ молитвъ.

— Ты, молился онъ, Владыко міра, взгляни на несчастныя творенія Твои, умилосердись надъ ними и пошли свое избавленіе намъ. Не отврати, о Боже, лица Твоего отъ насъ и простри руку свою надъ нами, какъ нѣкогда простеръ надъ Іерусалимомъ, смягча правосудный гнѣвъ свой по молитвѣ царя Давида...

И по мѣрѣ своей молитвы Робертъ менѣе чувствовалъ свои мученія; на душѣ его становилось легче и свободнѣе. Но другія чувства и мысли кружились въ головѣ Барта, все еще неподвижно лежаща-

го на своемъ мѣстѣ съ тѣхъ поръ, когда его оставилъ Каверлей.

Пославъ въ слѣдъ ему проклятіе и погрозивъ кулакомъ, онъ прошепталъ:

— Чтобъ провалиться тебѣ! Наконецъ что жъ это такое дѣлается, неужели всѣ мои разчеты и планы должны кончиться на днѣ проклятаго здѣшняго мора? Чортъ возьми, какъ я глупо поступилъ, что не остался въ Лондонѣ и увлекся мечтой доставить себѣ карьеру на золотыхъ пріискахъ. При своихъ способностяхъ я и дома могъ бы успѣть что нибудь сдѣлать: а теперь все пропало! Проклятіе, надежда на скорое исполненіе моихъ желаній было поманила меня, когда я снова встрѣтилъ Каверлея, но какая-то злая судьба разрушила всѣ мои планы погубить его и воспользоваться случаемъ; не желая упу-

стить его изъ виду, я рѣшился прыгнуть на этотъ проклятый плотъ..... о, еслибъ я зналъ, что ожидало меня здѣсь я никогда бы не сдѣлалъ такой глупости и помѣстился бы лучше въ какой нибудь лодкѣ. Вѣроятно, онѣ спаслись, а я вотъ теперь долженъ погибнуть.

И въ его мысляхъ начала рисоваться блестящая картина быстраго обогащенія, если бы только удалось ему спастись. Передъ нимъ неслись блестящіе экипажи, кучей сыпалось золото, мелькали красавицы, проносилась веселая, беззаботная жизнь и вдругъ, среди этихъ мечтаній, онъ завылъ подобно дикому звѣрю схватился за животъ. Въ первый разъ приступъ сильнѣйшаго голода схватилъ его.

— О, прошепталъ онъ, какое страшное мученіе! Чѣмъ утолить проклятый го-

лодъ?.... Вчера я съѣлъ послѣдній сухарь, теперь нѣтъ ни крохи... охъ, какая мука.... Но погоди, я вспомнилъ, что у меня еще есть небольшой лимонъ, я сберегалъ его на всякій случай, теперь имъ я утолю свой голодъ, это хоть нѣсколько освѣжитъ меня.

Зорко оглянувшись кругомъ, боясь, чтобъ никто не увидалъ его, Бартъ снялъ шляпу и изъ подъ тульи вытащилъ небольшой лимонъ. Онъ ужс начиналъ портиться, но Барту въ эту минуту онъ показался необыкновенно прекраснымъ и свѣжимъ. Потянувъ въ себя нѣсколько разъ съ необыкновеннымъ удовольствіемъ запахъ, Бартъ вынулъ изъ кармана складной ножъ, отрѣзалъ отъ лимона тонкую пластинку и прильнулъ къ ней горячими устами, высасывая освѣжительную влагу.

Но онъ не успѣлъ высосать весь душистый сокъ, какъ позади его раздался чей то дикій визгъ и живой скелетъ бросился на него, всей силой прижалъ его къ полу и костлявыми рукми выхватилъ у него драгоцѣнный лимонъ. Бартъ разсвирѣпѣлъ. Сбросивъ съ себя слабаго хищника, онъ одной рукой схватилъ его за горло, а другой хотѣлъ вырвать свое сокровище. Но и при этсй борьбѣ лимонъ выпалъ изъ рукъ и покатился по доскамъ. Всѣ увидали его. Онъ словно алмазъ засвѣркалъ передъ глазами. Голодные люди собравъ остатки своихъ силъ, гурьбой и съ криками радости бросились къ лимону, и послѣдній, вѣроятно, былъ бы совершенно уничтоженъ и смятъ, если бы его во время не схватилъ Бартъ. Онъ старался его спрятать, но толпа обступила его, стиснула и съ угрожающими жестами требовала лимона.

Уступая необходимости и скрѣпя сердце, Бартъ долженъ былъ повиноваться. И Боже мой, какую радость возбудилъ лимонъ въ несчастныхъ. Каждый радостно бралъ его въ руки, обнюхивалъ, лизалъ и потомъ передавалъ другому, но въ тоже время, боясь, что кто нибудь не завладѣлъ имъ, всѣ зорко и съ дикимъ видомъ слѣдили за тѣмъ, у кого въ рукахъ находился лимонъ, готовые разтерзать того, кто осмѣлился бы одинъ завладѣть имъ.

Да, страшна и поучительна картина голода. Онъ уравниваетъ всѣхъ и показываетъ суету и мишурность житейскихъ помысловъ!

Несчастные, пересмотрѣвъ и насытившись видомъ лимона, рѣшились его раздѣлить. Но какъ приступить къ этому, ко-

му довѣрить это? Долго продолжался споръ и наконецъ рѣшено было позвать Роберта. Его кликнули. Онъ подошелъ взялъ лимонъ и раздѣлилъ его на семнадцать частей ровныхъ, по числу людей, оставшихся на плоту. Бѣдняки съ невыразимымъ удовольствіемъ глотали крохотные кусочки доставшейся драгоцѣнности, а Робертъ, пользуясь минутой, вынулъ изъ кармана свое евангеліе съ которымъ онъ никогда не разставался, берегъ его какъ зеницу ока, и началъ читать главу о страстяхъ Спасителя.

И бѣдняки съ жадностью слушали слабые звуки его голоса, великія страданія Господа звучали въ ихъ ушахъ, переходили въ мысли дѣлалось сравненіе, и получилось облегченіе страждущимъ ихъ душамъ. Даже самъ мало чувствительный Бартъ, можетъ быть, никогда еще не бравшій въ руки эту великую и святую книгу,

теперь со вниманіемъ прислушивался къ чтенію и не разъ подносилъ руку къ глазамъ, чтобы утереть слезу, невольно выкатившуюся изъ его сухихъ и воспаленныхъ глазъ.

Глава XI.

Спасеніе.

Наступилъ уже и полдень. Люди, чтобъ нѣсколько укрыться отъ знойнаго палящаго солнца, удалились подъ полотняную покрышку, которая была сдѣлана на срединѣ плота изъ единственнаго паруса. Робертъ между тѣмъ подошелъ къ Каверлею, который находился все въ какой-то утомленной полузабывчивости, и старался привести его въ чувство. Это ему удалось, Каверлей открылъ глаза.

— А, это ты, мой добрый Робертъ, сказалъ онъ: о какъ страдаю я!

— Успокойтесь. сэръ.

— Надежды нѣтъ никакой на спасеніе.

— Не говорите; Господь невидимо пошлетъ его.

Говоря это, онъ подалъ ему кусочекъ лимона, сбереженный имъ.

— Эго что?

— Покушайте это освѣжитъ васъ.

Но гдѣ досталъ ты лимонъ?

— Его далъ нечаянно Богъ.

Робертъ разсказалъ при этомъ; какъ былъ пріобрѣтенъ лимонъ.

Въ то время, когда Каверлей глоталъ драгоцѣнные куски найденаго сокровища, Робертъ внимательно смотрѣлъ на горизонтъ. Вдругъ его глаза широко раскрылись, на исхудаломъ лицѣ отразилось невыразимое восхищеніе, всѣ члены его нервно вздрогнули, ноги задрожали и не въ состояніи будучи держаться на нихъ, добрый человѣкъ опустился на бревна въ совершенномъ безсиліи.

— Что съ тобой, Робертъ? пугливо вскричалъ Каверлей, схвативъ его за руку.

— Великъ Господь! могъ только прошептать Робертъ, указывая свободной рукой на горизонтъ.

Каверлей взглянулъ по направленію его руки.

Тамъ виднѣлись мачты и паруса плывущаго корабля.

Не довѣряя своимъ глазамъ, боясь ошибиться, думая, что это не болѣе какъ обманъ разстроеннаго воображенія. Каверлей протиралъ глаза, внимательно смотрѣлъ на корабль, наконецъ схватилъ зрительную трубу, уцѣлѣвшую отъ общаго крушенія и долго глядѣлъ въ нее. Корабль не исчезалъ. Его массивный корпусъ становился все яснѣе и яснѣе. Не осталось ни какого сомнѣнія, что это была не мечта, а дѣйствительность.

— Корабль! всей силой своего голоса крикнулъ Каверлей, не въ состояніи будучи удержать порыва своего восторга, который охватилъ весь его составъ.

Еслибъ теперь прозвучали, звуки выходящіе изъ подъ смычка великаго музы-

канта, то они не такъ бы пріятно прозвучали въ ушахъ несчастныхъ, какъ дикіе звуки Каверлеева голоса.

Едва лишь раздался его голосъ, какъ все, словно посажанные гальваническимъ токомъ, вскочили на ноги и бросились къ тому мѣсту, гдѣ находился Каверлей и Робертъ; даже тѣ изъ несчастныхъ, которые уже не могли двинуться съ мѣста и лежали какъ мертвецы, при этомъ извѣстіи испустили крики радости. Удостовѣрясь, что видятъ спасительный корабль страдальцы не вольно пали на колѣни и общимъ хоромъ запѣли:

„Тебя Бога хвалимъ, Тебя исповѣдуемъ!“.

И сильно волновались ихъ души, трепѣтали отъ внутренняго восторга ихъ

сердца слезы радости катились изъ ихъ впалыхъ очей.

О, какъ велика спасительна и освѣжительна сила молитвы во время невзгоды, которая постигаетъ человѣка на жизненномъ его пути.

Молились они и взоры ихъ безпрестанно, неотрывочно были устремлены на величавый корпусъ корабля... но, о, чудо! онъ внезапно исчезъ изъ ихъ глазъ.

Голоса бѣдняковъ внезапно смолкли. Настало страшное мгновеніе. Оно пронеслось. Корабля не было видно. Вопль отчаяніи теперь вырвался изъ грудей несчастныхъ.

Иные, припавъ тѣломъ къ бревнамъ, испуская отчаянные вопли, другіе ката-

лись по доскамъ, третьи въ безсильномъ бѣшенствѣ начали наполнять воздухъ проклятіями, рвали на себѣ волосы, до крови терзали свое истощенное и изнемогшее тѣло. Порывъ ужасной горести прошелъ. Для бѣдняковъ рушилась вся надежда. Для нихъ не оставалось ничего кромѣ смерти.

Читатель, бывалъ ли ты въ такомъ положеніи, когда отъ тебя было близко спасеніе отъ гибели, и вдругъ оно, какъ бы по волшебству, исчезаетъ отъ тебя? То чувство, какое испытываетъ человѣкъ въ эту ужасную минуту, прочуствовалъ тотъ, кто находился въ подобномъ состояніи; но никогда не въ силахъ выразить это словами: они безсильны и въ языкѣ не существуетъ выраженія для передачи подобныхъ чувствъ.

На душу тогда ложиться какой-то невыносимо тягостный кошмаръ, онъ душитъ, гнететъ весь составъ человѣка и онъ въ безсиліи освободится отъ него; чувствуетъ, что живетъ, но неможетъ дѣйствовать, мыслить и понимать, что дѣлается и происходитъ вокругъ него. Точно въ такое положеніе и впали наши страдальцы, когда изъ глазъ ихъ исчезъ желанный корабль.

Со смертью въ груди возвратились они подъ свой полотняный навѣсъ; такое безнадежное отчаяніе, близкое къ иступленному помѣшательству, свѣтилось въ ихъ очахъ. Страшная предсмертная тоска овладѣла всѣми. О, что передъ этимъ значитъ тѣ невзгоды, какіе мы встрѣчаемъ въ обыденной, частной своей жизни: они ничтожны предъ такими испытаніями и въ такія минуты всего болѣе познается сла-

бость человѣка и невидимый промыслъ Создателя міровъ.

Въ то время, когда бѣдняки въ немомъ мучительномъ отчаяніи, склонивъ головы на исхудалыя свои груди, сидѣли въ мрачномъ ожиданіи своей смерти; которая словно желѣзнымъ кольцомъ охватила ихъ, внезапно, изъ волнъ морскихъ вынурнулъ опять корабль и появился передъ погибающими плотами не болѣе, какъ на получасовомъ разстояніи. Онъ несся на плоты на полныхъ парусахъ.

И снова восторгъ овладѣлъ всѣми. Несчастные, видя, что ихъ замѣтили; обнимались другъ съ другомъ въ невыразимомъ восторгѣ, который доходилъ до сумасшествія, кричали, прыгали, дѣлали знаки кораблю, бросались другъ къ другу, плакали, смѣялись и цѣловались.

Вскорѣ съ корабля спустили лодку и несчастные были перевесены на бортъ, на которомъ были приложены всѣ старанія и попеченіе къ спасенію страждущихъ. Да и пора уже было кончится ихъ мученіямъ: прошло бы еще два дня и самый сильнѣйшій изъ нихъ, Каверлей, едва ли бы могъ прожить. Десять человѣкъ изъ страдальцевъ были безъ движенія, шестеро къ вечеру же умерли. Но не скоро поправились и оставшіеся въ живыхъ: въ теченіи нѣсколькихъ дней они боролись между жизнью и смертью, наконецъ. благодаря только стараніямъ, которыя имъ оказывали въ это время на кораблѣ, они оправились.

19-го Іюля спасительный корабль привезъ и высадилъ ихъ въ Бомбеѣ, главномъ городѣ австралійскихъ владѣній Англіи.

Глава XII.

Путь къ золоту.

Городъ, въ которомъ очутились наши искатели приключеній, на первый взглядъ ни чѣмъ не отличался отъ англійскихъ городовъ: тѣже постройки, таже кипучая трудовая дѣятельность въ немъ, таже топорная внѣшность существовали въ Ботанибеѣ, такъ что европеецъ. очутившись въ немъ, видѣлъ себя какъ бы у себя дома; но если такъ казалось сначала, за то при болѣе внимательномъ взглядѣ злѣшняя жизнь являлись въ иномъ видѣ: городъ, образовавшій изъ переселенцевъ и

ссыльныхъ, необходимо долженъ былъ имѣть и свою отличительную физіономію. Это такъ и было въ дѣйствительности.

Нигдѣ, можетъ быть изъ европейскихъ городовъ, среди трудовой, кипучей жизни, не являлось болѣе различнаго рода пороковъ и преступныхъ страстей, какъ тутъ. Новичекъ, попавшій сюда, мало опытный съ здѣшними условіями, видѣлъ съ одной стороны блескъ, золото, роскошь, а съ другой все это представлялось ему перемѣшаннымъ съ отвратительной грязью и нищетою. Нынѣшній богачъ, капиталистъ, въ Ботанибѣе черезъ день, даже въ одинъ вечеръ превращался въ нищаго, шелъ на другой день на пристань таскать грузы, дѣлался слугою вчерашняго служителя, или шелъ вонъ изъ города, въ числѣ другихъ искателей приключеній, на золотыя розыски, искать для себя новаго счастья и богатства. Такая быстрая перемѣна про-

исходила отъ той одной особенности, которая не представлялась въ другомъ мѣстѣ: это отъ легости пріобрѣтенія богатства. Всѣхъ манили къ себѣ золотыя пріиски, гдѣ можно было въ какія нибудь два, три часа разжиться, для чего при другой обстановкѣ потребовались бы цѣлые года. Поэтому золото здѣсь сыпалось кучами, считалось ни во что и рѣдкій считалъ себя обязаннымъ дорожить и беречь его, зная, что ему, при небольшомъ счастіи, легко вновь пріобрести себѣ этотъ дорогой у насъ металъ; на основаніи этого въ Ботанибеѣ, да и въ другихъа городахъ Австраліи, была въ высшей степени развита скорость въ различнаг рода игрѣ и спекуляціи. Ловкіе и предусмотрительные люди пользовались этимъ, за ничто составляли себѣ богатства, въ то время, когда легкомысленные безумные расточали его.

Карлъ Бартъ, очутившись въ новомъ городѣ, былъ безъ всякихъ средствъ къ жизни. Потерявъ изъ вида, на первое время, Каверлея, онъ долго не зналъ на что рѣшиться, чтобы поддерживать свое жалкое существованіе. На первое время онъ сдѣлался бродячимъ лакеемъ. Чтобы заработать себѣ нѣсколько пенсовъ для дневнаго пропитанія, онъ началъ ходить по всемъ мѣстамъ, гдѣ собирался городской людъ для игры и кутежа; онъ смахивалъ съ ихъ сапоговъ пыль очищалъ платье и за это получалъ нѣсколько копѣекъ, съ которыми тотчасъ же и отправлялся въ одну изъ самыхъ грязныхъ городскихъ тавернъ, требовалъ кружку элю и выпивалъ ее, затягиваясь дурной сигарой и закусывая кускомъ черстваго хлѣба.

Не повкусу приходилось ему такая жизнь, но лучшаго не представлялось и онъ дол-

женъ былъ пока довольствоваться ею. И не разъ ему горько и тяжело становилось отъ нея. Отправляясь изъ Англіи въ новый миръ, онъ только и мечталъ, какъ можно скорѣе составить себѣ блестящую будущность; но случившееся сильно разочаровало его. Однако, не смотря на это, отважный спекулянтъ не потерялъ всей бодрости духа и ждалъ удобнаго случая и времени.

Не упуская изъ своей головы мечты разжиться на счетъ Каверлея онъ старался его вездѣ розыскать, но, къ его несчастію, послѣдній ни гдѣ не показывался и онъ ни отъ кого не могъ получить о немъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Спустя уже довольно порядочное время, Бартъ въ одной изъ улицъ встрѣтилъ Роберта. Случайная встрѣча обрадовала его чрезвычайно и онъ тотъ-часъ-же рѣшилъ не упускать пред-

ставившагося случая. Онъ поровнялся съ Робертомъ, который былъ одѣтъ въ широкую блузу, соломенную шляпу и походилъ на зажиточнаго поселянина, оглядѣлъ его съ ногъ до головы и вкрадчивымъ голосомъ сказалъ.

— Не господина ли Роберта я вижу!

Робертъ пріостановился, внимательно взглянулъ на Барта, но въ первую минуту не узналъ его; такъ переменился онъ и жалко былъ одѣтъ. Дѣйствительно на Бартѣ была одна грязная рубашка, онъ обросъ бородой, лицо было въ сильномъ загарѣ.

— Неужели я такъ страшно измѣнился продолжалъ Бартъ, что меня не узнаетъ и тотъ, кто такъ долго былъ общимъ товарищемъ по несчастію?

— Не ужели я вижу господина Барта? Наконецъ проговорилъ Робертъ, припомня нѣсколько черты послѣдняго.

— Онъ и есть самъ, Робертъ.

— Вы страшно измѣнились.

— Что дѣлать; жизнь не сладка:

Не смотря на это, Роберту ни когда не нравился Бартъ и онъ, какъ мы ужъ видѣли, настолько питалъ къ нему отвращеніе; однако теперешній видъ Барта пробудилъ въ добромъ сердцѣ Роберта сожаленіе и онъ съ участіемъ спросилъ.

— Чѣмъ же живете вы, Бартъ?

Послѣдній грустно улыбнулся и сказалъ:

— Счищаю пыль съ сапоговъ тѣхъ, кто имѣетъ возможность заплатить за это пенсъ или два. Робертъ, я вижу, что

и на вашемъ платьѣ пыль, не позволите ли васъ почистить? И, говоря это, Бартъ уже держалъ въ рукахъ небольшой вѣничекъ, готовясь приняться за исполненіе своей должности.

Слегка отстранивъ отъ себя Барта, Робертъ пошарилъ въ своемъ карманѣ и, вынувъ гинею подалъ ему, сказавъ:

— Землякъ, полагаю, что вы не обидитесь на это; извините, что не могу предложить больше.

Бартъ быстро схватилъ монету и съ какой-то особенной лаской посматривалъ на золото котораго такъ долго не имѣлъ въ рукахъ; потомъ сказалъ:

— Вы очень добры, Робертъ; благодарю васъ.

— И больше вы ни чѣмъ не пробовали заниматься.

— Напротивъ, я старался доставить себѣ хлѣбъ и другимъ образомъ.

— Любопытно знать какимъ?

— Я разскажу вамъ. Здѣсь много людей которые не знаютъ на что истратить свои деньги и какъ развеселить себя. Часто я вижу и видѣлъ такихъ людей, кото-заставляли нашего брата бѣдняка перекувырнуться черезъ голову для своего удовольствія или подраться другъ съ другомъ; за это я тоже получалъ по нѣскольку пенсовъ.

Поморщился Робертъ, услыша это и потомъ немного помолчавъ, сказалъ:

— Бартъ, вы не откажитесь закусить сомной?

— Съ удовольствіемъ.

— Въ такомъ случаѣ мы тамъ потолкуемъ съ вами и подумаемъ, какъ лучше устроиться.

Они зашли въ первую таверну. Она была изъ заведеній подобнаго рода средней руки. Въ полупорядочно меблированной комнатѣ на половину грязноватой; съ закоптѣлыми занавѣсками, тканными изъ шелка, съ позолотою на окнахъ были разставлены столы, за которыми тѣснились люди. На однихъ подавали вино, вкусныя порціи ростбифа, на другихъ столахъ шла игра въ домино, лото и карты. Изъ другой, смежной комнаты слышались шумливыя голоса, стукъ, шаркъ и смѣхъ играющихъ въ кегли и на билліардѣ. Лица и костюмы находящихся здѣсь посѣтителей представляли пестрое смѣшеніе и разнохарактерное сборище. Въ одномъ мѣстѣ виднѣлся веселый французъ одѣтый по послѣдней модѣ, въ другомъ степенный германецъ, выщитывавшій будущіе свои барыши; тамъ юлилъ хитрый еврей, здѣсь затягивался опіумомъ

китаецъ. Говоръ и рѣчь слышались почти на всѣхъ языкахъ.

Робертъ, избравъ самый дальній столъ стоявшій по одаль отъ прочихъ, сѣлъ за него съ Бартомъ, велѣлъ подать бутылку джину и кусокъ битой говядины. Когда все это было принесено онъ налилъ по стакану вина и приглашая выпить товарища, сказалъ съ участіемъ.

— И такъ, Бартъ, вы въ плохихъ обстоятельствахъ.

— Да, Робертъ.

— Что же вы думаете сдѣлать, что бы поправиться?

Я думаю, товарищъ, лишь скопится нѣсколько денегъ, какъ отправиться въ Бендиго.

— Это на золотые пріиски?

— Да, Робертъ.

— Дорога будетъ пролегать какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ я поселился пока съ моимъ сэромъ.

— Гм!.. такъ ненамерены ли вы окончательно поселиться въ этомъ мірѣ и никогда не возвращаться въ Англію?

— Не думаю.

— Но что же вы дѣлаете?

— А вотъ, послушайте. Сэру пока еще довольно долго нельзя будетъ воротиться назадъ; вотъ я и сказалъ ему, сэръ, чѣмъ ничего не дѣлать здѣсь, займитесь лучше дѣломъ. Онъ сказалъ мнѣ: хорошо, Робертъ. Я слыхалъ, что здѣсь можно разводить прекрасныхъ овецъ, съ которыхъ собирается превосходная шерсть и такая, какой никогда нельзя получить ни гдѣ въ Европѣ; по этому я предложилъ сэру купить гдѣ нибудь землю и заняться овцами. Онъ нашелъ мой планъ превосходнымъ. На деньги, которыя онъ досталъ

у здѣшняго банкира, мы купили на берегу одной рѣчки не большой участокъ земли и занялись дѣломъ. У насъ теперь до тысячи головъ этихъ великолѣпныхъ животныхъ, за которыми я ухаживаю и съ которыхъ предполагаю въ будущую весну собрать хорошій плодъ.

— Вотъ какъ; такъ и вы думаете разбогатѣть?

— Конечно. Это будетъ лучше и полезнѣе, чѣмъ тратить свои деньги.

— Но едвали это скоро удастся.

— Скорѣе, чѣмъ вы полагаете; кромѣ того ваши занятія несравненно вѣрнѣе и прибыльнѣе, чѣмъ то, еслибы мы вздумали отправиться на золотые пріиски.

— Это какъ?

— Тамъ минута счастія и вы можете сдѣлаться милліонеромъ.

Но къ сожалѣнію этого и не случается ни когда. За это время мнѣ пришлось

перевидать многое множество этихъ искателей золота, и всѣ, какъ быстро пріобрѣтали его, такъ скоро и расточали. Легкость труда не заставляетъ уважать и беречь его пріобретѣніе.

— Пожалуй это и правда, въ какомъ-то раздумьи проговорилъ Бартъ.

— Я увѣряю васъ въ этомъ.

— Можетъ быть и я сдѣлалъ бы такъ, какъ вы, еслибы имѣлъ на это средства.

— Ихъ можно достать.

— Какимъ образомъ?

— Послушайте: вдвоемъ съ сэромъ мы не можемъ управляться съ своимъ хозяйствомъ, намъ нуженъ надежный помощникъ и работникъ. За трудъ онъ можетъ получить отъ насъ десять, пятнадцать, а за усердіе и двадцать долларовъ. Вотъ, еслибъ вы рѣшились принять на себя подобный трудъ, то мы приняли бы васъ и, при бережливости, вы скоро могли бы

завестись своимъ хозяйствомъ, такъ какъ здѣсь земли ничего не стоитъ, ибо ее много, а скотъ можно пріобрѣсть и изъ половины. Подумайте объ этомъ.

Бартъ съ вниманіемъ слушалъ это неожиданное предложеніе и въ его умѣ начали составляться какіе-то планы. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ сказалъ:

— Робертъ, я принимаю ваше предложеніе и подумаю объ этомъ.

— Совѣтую, Бартъ.

Сказавъ это, онъ поднялся съ мѣста и, прощаясь, добавилъ:

— Черезъ недѣлю я снова буду въ Ботанибеѣ, и если вы надумаетесь, то придете сюда въ то время и дадите отвѣтъ.

— Хорошо, я приду, Робертъ.

Они разстались. Выходя, Робертъ думалъ:

— Я радъ, что встрѣтилъ этого человѣка. Хоть онъ прежде и былъ дурнымъ человѣкомъ, но несчастіе, вѣроятно исправило его, а предстоящій трудъ и работа докончитъ начатое и хорошее дѣло. Изъ него еще можетъ выйдти порядочный человѣкъ.

Глава XIII.

Порядочный человѣкъ, или волкъ въ овечьей шкурѣ.

Въ то время, когда такъ думалъ Робертъ, иначе размышлялъ Бартъ.

Опять всходитъ моя звѣзда, думалъ онъ, ощупывая въ рукахъ гинею, данную ему Робертомъ. Случай опускать нечего, я долженъ непремѣнно принять предложеніе. Каверлей для меня золотое дно и долженъ составить мнѣ карьеру. Въ степи, одинъ на одинъ я скорѣе и удобнѣе могу привести свой планъ въ исполненіе... да, Робертъ, ты добрый человѣкъ и я принимаю твой совѣтъ и предложеніе.

Въ это время звонъ золота, которымъ кидали на игорныхъ столахъ, вывелъ Барта изъ его мечтаній и направилъ мысли въ другую сторону. Онъ взглянулъ на свою гинею и сказалъ про себя:

Не испытать ли счастья въ игрѣ? Я всегда замѣчалъ, что если начинало мнѣ везти счастіе, то оно долго не оставляло меня и продолжало служить. У меня въ рукѣ гинея, этого достаточно будетъ испытать свою судьбу... но, чортъ возьми въ такомъ видѣ можно-ли подойти къ столу? Меня прогонятъ, кто будетъ играть со мной? а, погоди, вспомнилъ: я знаю одного человѣка, у него какимъ то волшебствомъ сохранилось еще довольно порядочное пальто, онъ за четверть моего богатства дастъ мнѣ на прокатъ пока, и тогда я въ состояніи буду сыграть... но что будетъ если проиграю? Гм!..... но, нѣтъ, прочь подобная мысль, я нынче

хочу выиграть, буду смѣлѣе, а смѣлому-вездѣ везетъ?...

И думая такъ, Бартъ поспѣшно вышелъ изъ таверны, прошелъ два, три переулка и остановился около одной грязной и отвратительнаго вида харчевни. Онъ вошелъ въ нее.

Въ первую минуту, за сгустившимися клубами дыма ничего нельзя было разглядѣть и слышался только неопредѣленный какой-то гамъ и шумъ, отъ котораго непривычный человѣкъ побѣжалъ бы, заткнувъ себѣ уши; но Бартъ дѣйствовалъ какъ у себя дома. Его глаза скоро разглядѣлъ того, кого ему нужно. Это былъ еще молодой человѣкъ, съ чертами лица хотя и привлекательными, но уже искаженными порочными и разгульными страстями. Незнакомецъ сидѣлъ въ товариществѣ двухъ людей, одѣтыхъ въ матросскія куртки съ довольно подозрительными

личностями. Подойдя къ столу ихъ, Бартъ поклонился молодому человѣку, который незамедлилъ отрекомендовать его своимъ собесѣдникамъ, присовокупивъ:

— Джентельмены, вотъ тотъ Англичанинъ, о которомъ я говорилъ вамъ.

Незнакомцы оглядѣли съ ногъ до головы Барта какъ бы оставшись довольными и этимъ обзоромъ, подвинулись и дали ему мѣсто подлѣ себя.

— Въ чемъ дѣло, джентельмены? въ свою очередь проговорилъ Бартъ.

Молодой человѣкъ поспѣшно сказалъ:

— Дѣло очень серьезное и выгодное.

— Говорите, я люблю слышать все, что говорится о выгодѣ.

— Я давно это замѣтилъ, и потому хочу предложить одну компанію на акціяхъ.

— Дѣло.

— Но прежде чѣмъ начну, отъ васъ одного должно потребовать.

— Чего?

— Если вы не будите согласны на предложеніе, то дадите слово молчать о немъ и никому не говорить иначе....

— Но скажите дѣло, вѣроятно.... улыбаясь проговорилъ Бартъ,—но его перебилъ одинъ изъ сидѣвшихъ матросовъ и угрюмо сказалъ:

— Нѣтъ не то.

А что же?

— Предатель познакомится вотъ съ этимъ перомъ, и при этомъ словѣ предъ глазами Барта свернулъ острый какъ бритва ножъ.

Ни мало не смутясь, Бартъ хладнокровно проговорилъ:

— А, теперь я понимаю; но какое же дѣло, въ которомъ вы желаете, чтобы я принялъ участіе?

— Назадъ тому два дня, какъ пріѣхалъ сюда съ пріисковъ одинъ золото-

промышленникъ, началъ молодой человѣкъ; ему чрезвычайно посчастливилось тамъ; онъ нашелъ, говорятъ, два самородка, которые оцѣнены въ нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Глупо было пренебречь этимъ, а потому нужно воспользоваться и не выпускать такой находки изъ своихъ рукъ.

Такъ я то что тутъ долженъ дѣлать?

— Очень просто, если вы хотите получить хорошій пай.

— Любопытно знать, какой?

— Согласны, если изъ всего получите третью часть?

— Не дурно, но впрочемъ я долженъ знать на какой рискъ я рѣшусь.

— Прежде я спрошу васъ, можете ли вы исполнить обязанности камердинера?..

— Не пробовалъ, но, кажется, смогу.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло: нашъ джентельменъ ищетъ опытнаго для себя слугу;

здѣшнимъ онъ не довѣряетъ и желаетъ имѣть надавно пріѣхавшаго европейца. Вы: какъ нельзя лучше, подходите подъ это условіе, я уже обдумывалъ объ этомъ.

— И такъ...

— Вы идите завтра къ нему и нанимайтесь, потомъ высматривайте, гдѣ находятся у него деньги. сообщайте объ этомъ намъ, а тамъ уже будетъ наше дѣло.

— Вартъ задумался. Его развращенному уму было заманчиво предложеніе, но въ тоже время съ одной стороны пугала опасность при неудачѣ, а съ другой онъ имѣлъ въ виду свою особенную цѣль, когда встрѣтился съ Робертомъ и получилъ отъ него уже извѣстное предложеніе. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе и Бартъ находился въ нерѣшимости. Собесѣдники украдкой посматривали на него, наконецъ одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Ну такъ на чемъ же остановились, товарищъ?

— Я думаю, что теперь мнѣ не время принять ваше дружеское предложеніе.

— Какъ хотите, мы не принуждаемъ; но только помните уговоръ.

— Не безпокойтесь.

Потомъ, обратясь къ молодому человѣку, продолжалъ:

— Жоржъ, а я къ вамъ съ просьбой.

— Съ какой?

— Мнѣ нужно было бы переговорить наединѣ съ вами.

Молодой человѣкъ и Бартъ отошли въ сторону. Послѣдній сообщилъ ему цѣль своего прихода; тотъ безъ труда согласился и гинея была размѣнена. За четверть ея цѣны Бартъ надѣлъ на свои плечи пальто Жоржа и отправился въ игорный домъ. На этотъ разъ ему дѣйствительно посчастливилось: черезъ три

часа онъ вышелъ оттуда съ нѣсколькими фунтами стерлинговъ и, желая себя вознаградить за долгій постъ и терпѣнье, отправился въ одну изъ лучшихъ городскихъ гостинницъ. Первымъ его дѣломъ, когда онъ занялъ отдѣльную комнату, было преобразить себя въ болѣе приличнаго человѣка, и лишь только исполнилось, какъ съ перемѣной внѣшности переменился и самъ Бартъ. Прежняя самонадѣянность и гордость явилась въ немъ, а въ мѣстѣ съ этимъ вся его фигура приняла прежнее нахальство.

Глава XIV.

Австралія.

Прежде нежели будемъ продолжать нашъ разсказъ, мы возвратимся нѣсколько назадъ, такъ какъ происшествіе, о которомъ мы сейчасъ разскажемъ, имѣетъ довольно важное вліяніе на послѣдующія дѣйствія нашихъ главныхъ лицъ повѣсти.

Робертъ, оставя Барта, скоро покончилъ свои дѣла въ городѣ и, не имѣя болѣе нужды оставаться въ немъ, поспѣшилъ отправиться домой. Дорога, по которой онъ ѣхалъ, сперва нѣсколько времени шла берегомъ моря, слѣдуя по его извилинамъ. Видъ отсюда былъ велико-

лѣпный и довольно оживленный. Съ одной стороны сверкала зеркальная поверхность моря, съ другой, виднѣлись зеленѣющія степи, а далѣе, на горизонтѣ, высилились верхушки синихъ горъ въ самыхъ затѣйливыхъ формахъ и очертаніяхъ. Робертъ, не смотря на то, что былъ небольшой охотникъ до ландшафтовъ, при видѣ открывшейся картины невольно увлекся ею и, по мѣрѣ своего увлеченія, въ его мысляхъ начали возникать образы далекай его родины, которые онъ и сравнивалъ съ настоящими.

— Да, разсуждалъ онъ самъ съ собой: слова нѣтъ, хороши поля и луга здѣсь, большое приволье и раздолье въ нихъ, не то что у насъ въ Англіи; но по мнѣ и небольшой клочекъ земли моей родины кажется прекраснѣе всего этого необъятнаго пространства и не будь у меня господина, я давно бы вернулся назадъ.

Положимъ я въ настоящую минуту богаче, чѣмъ когда либо; но что изъ этого, когда не вижу нашего сѣренькаго неба, нашихъ фабрикъ и городовъ; подлѣ нихъ мнѣ какъ-то привольнѣе дышалось и жилось, а вѣдь вотъ есть же люди, что по доброй волѣ покидаютъ свою сторону и идутъ сюда наживаться; добро бы они селились на привольныхъ степяхъ и устроивали бы себѣ такой же уголокъ, какъ дома, такъ вѣдь нѣтъ,—всѣ гурьбой такъ и бѣгутъ на золотые пріиски, думаютъ скоро разжиться, анъ не тутъ то было; въ эти полгода я столько перевидалъ несчастныхъ искателей, что въ иной годъ того не увидишь, и почти всѣ шли назадъ раздѣтыми голышами, измученные, обездоленные... а сколько ненависти, ссоръ, всякой злобы бываетъ на этихъ пріискахъ; такъ слушая все это, только волосы становятся дыбомъ... Изъ за чего!

изъ за крупинокъ золота... ну стоитъ ли изъ-за этого покидать свои родимые поля и луга? Эхъ люди, люди, какъ по моему вы еще глупы и жадны, не хотите добывать себѣ честный хлѣбъ, а хотите неправдой, да на скорую руку.

Разсуждая съ собою въ такомъ родѣ, Робертъ повернулъ за одинъ уступъ и вдругъ очутился на краю небольшой бухты. Онъ взглянулъ впередъ и остановился. Передъ нимъ нимъ явилась странная картина, смысла которой онъ не скоро добрался. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега плылъ человѣкъ. Это былъ туземецъ. Онъ плылъ быстро, то показываясь на поверхности воды, то ныряя; видно было, что онъ употреблялъ всѣ усилія укрыться отъ какого-то невидимаго предмета и какъ можно скорѣе добратся до [illegible] пироги, находящейся у берега; но по ли-цу и по взмахамъ его рукъ

легко можно было догадаться, что силы его слабѣютъ, и онъ на своемъ языкѣ испускалъ гортанные звуки, которые выражали смѣсь отчаянія и ужаса.

Робертъ нѣсколько времени съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту сцену, не понимая отъ чего дикарь не плыветъ прямо, а дѣлаетъ уклоны то въ ту, то въ другую сторону. Хорошо зная, что дикари этаго племени плаваютъ точно рыбы, понялъ, что несчастному грозитъ что нибудь очень серьезное; спустясь на песчаный откосъ, онъ наконецъ увидалъ причину испуга дикаря. Близко отъ по верхности воды за нимъ гналась акула огромной величины. Она уже перевертывалась нѣсколько разъ на спину, чтобы схватить несчастнаго и только необыкновенное искуство спасало его отъ ея страшныхъ зубовъ. Понявъ въ чемъ дѣло, Робертъ пришпорилъ лошадь, на которой ѣхалъ, и въ одну секун-

ду очутился у небольшой лодки. Онъ вскочилъ въ нее и поплылъ къ дикарю, который увидя приближающееся спасеніе собравъ послѣднія силы, нырнулъ подъ страшное животное, опередилъ его аршина на два и вынырнулъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лодки. Робертъ на легъ сильнѣе на весло, и дикарь испустивъ крикъ радости, какъ молнія вскочилъ въ лодку. Ярость акулы была на столько велика, когда она увидала, что жертва ея ушла, что она почти на половину высунулась изъ воды, оскаливъ свои зубы и перевернувшись, съ необыкновенной силой ударила хвостомъ по водѣ, такъ что небольшая порога едва не пошла ко дну. Все это произошло довольно быстро. Дикарь нѣсколько мгновеній стоялъ неподвижно; но лишь только увидалъ, что акула повернулась на брюхо, какъ схватилъ свой топоръ, лежащій на днѣ лодки, бро-

сился подъ животное и, чрезъ минуты двѣ, вода вокругъ нихъ окрасилась кровью; прошла еще минута и акула безсильно всплыла на поверхность, пораженная на смерть въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а около нея показался и дикарь съ торжествующимъ лицемъ.

При видѣ всего этаго, Робертъ не могъ надивиться такой смѣлости дикаго человѣка, который только что избавясь отъ смерти, теперь напалъ на врага, нисколько не страшась его и въ нѣсколько минутъ доконалъ его. Между тѣмъ дикарь, подплывъ къ лодкѣ, съ помощію Роберта привязалъ его къ ней, и потомъ началъ грести къ берегу. Подплывъ къ нему и выйдя, дикарь подошелъ къ своему спасителю, скрестивъ руки на груди, потомъ приложилъ ихъ ко лбу, испустилъ какой то звукъ и потеръ своимъ носомъ о носъ Роберта. Привыкнувъ уже нѣс-

колько къ туземнымъ обычаямъ, Робертъ зналъ, что это выражало высшее расположеніе и благодарность къ нему дикаго человѣка, который между тѣмъ подошелъ къ лодкѣ, досталъ оттуда небольшую трубку, закурилъ ее и потомъ подалъ Роберту. Это выражало, что съ этихъ поръ онъ считаетъ его другомъ на жизнь и смерть.

Этотъ дикарь принадлежалъ къ одному изъ малайскихъ племенъ, которые находятся на болѣе высшей степени развитія, чѣмъ австралійскія племена, извѣстныя подъ именемъ негритосовъ. Первые по большей части расположились по островамъ, окружающимъ материкъ и имѣютъ прекрасное тѣлосложеніе. Они смѣлы, ловки и наклонны къ развитію, между тѣмъ настоящіе негритосы при безобразной наружности живутъ въ родѣ дикихъ звѣрей, въ ямахъ, рѣдко въ шалашахъ,

питаясь всѣмъ чѣмъ ни попало: змѣями, гадами и всякой падалью. Австралійскіе негритосы не имѣютъ никакой религіи, и даже у нихъ нѣтъ словъ, которые бы выражали понятіе о Божествѣ.

Покуривъ изъ трубки, дикарь всталъ взялъ свой топоръ и отрубилъ отъ убитой акулы нѣсколько самыхъ жирныхъ кусковъ, которые тутъ же и принялся поглощать съ большимъ апетитомъ, приглашая и Роберта отвѣдать отъ его трапезы, на что конечно послѣдній не согласился, хотя и не показывалъ своего отвращенія, нежелая этимъ обидѣть своего новаго пріятеля. По мѣрѣ того, какъ дикарь насыщался, онъ сдѣлался разговорчивѣе и между ними вскорѣ завязался разговоръ, посредствомъ знаковъ, отчасти на словахъ, такъ какъ тотъ и другой знали по нѣскольку словъ того и другого языка.

— Откуда братъ мой? спросилъ Робертъ дикаря.

Онъ показалъ на востокъ, проговоривъ.

— Тамъ протекаетъ великая рѣка и на ней стоятъ наши хижины.

— А кто мой братъ?

— Воинъ?

— Какъ зовутъ?

— Орлиный глазъ, съ самодовольствіемъ сказалъ дикарь; меня знаютъ далеко. Но теперь скажи, гдѣ хижина моего брата?

Робертъ опредѣлилъ мѣсто.

— Я пойду съ братомъ и увижу его хижину.

— Идемъ. Я радъ буду принять его. Дикарь изъявилъ на это особенное удовольствіе, быстро вскочилъ, разрубивъ на части акулу, спрятавъ куски въ лодку, которую завелъ въ небольшой заливъ, потомъ взявъ небольшое копье, деревянный лукъ, три стрѣлы и знакомъ пока-

залъ, что онъ готовъ слѣдовать. Робертъ сѣлъ на лошадь, и они отправились.

По мѣрѣ углубленія во внутрь материка видъ ландшафта принималъ однообразный, но самый странный видъ, такой, какой не является ни въ одной части свѣта. Чѣмъ дальше удалялись они отъ моря, тѣмъ мѣстность становилась неизменнѣе и переходила въ родъ котловины. по которой струились рѣки и ручьи, но они не добѣгали до открытаго моря, а либо терялись среди луговъ или скоплялись въ огромныя и безбрежныя озера. То тамъ, то сямъ и порѣкамъ мелькали мызы и фермы, а вдали виднѣлись стада овецъ. Наши путешественники проходили австралійскими лѣсами, но деревья въ нихъ были безъ коры, а игольчатыя листья торчали на вѣтвяхъ не горизонтально, какъ на нашихъ деревьяхъ; а вертикально. На нѣкоторыхъ деревьяхъ

виднѣлся какой-то бѣловатый сокъ, похожій на пухъ или малыя снѣжинки; и Робертъ и дикарь, порядочно утомленные лѣтнимъ жаромъ, собирали его и съ удовольствіомъ ѣли, такъ какъ сокъ былъ сладокъ и освѣжителенъ и у туземцевъ составляетъ одинъ изъ лучшихъ продуктовъ для продовольствія.

Воздухъ кипѣлъ стаями самыхъ разноцвѣтныхъ птицъ; но ни одна не пѣла и не щебетала кругомъ царствовало какое-то гробовое молчаніе, что наводило тоску на сердце европейца, привыкшаго въ своей сторонѣ видѣть и слышать оживленность въ природѣ. Не смотря на то, что Робертъ уже довольно ознакомился съ австралійской природой, онъ невольно дрожалъ, когда его конь неосторожно ступивъ на какой нибудь камень или кочку, спугивалъ оттуда большихъ скорпіоновъ или ядовитыхъ змѣй и тарантуловъ, или отвращивался отъ своего новаго пріі-

ятеля съ отвращеніемъ, когда послѣдній, подбѣжавъ къ какому нибудь дереву, дѣлалъ въ немъ надрѣзъ, вытаскивалъ огромнаго, сочнаго червя, съ необыкновеннымъ и удовольствіемъ проглатывалъ.

— Нѣтъ, думалъ Робертъ, не по сердцу все это, скорѣе вернуться бы въ Англію; я желаю, чтобъ сэру раньше пришла бы возможность покинуть эту сторону, чѣмъ это предполагаетъ. Ба, что это мнѣ показываетъ этотъ звѣрь? вдругъ проговорилъ Робертъ, прерывая свои разсужденія и глядя на дикаря, который былъ за нѣсколько шаговъ впереди и дѣлалъ ему жесты рукой, давая знать, чтобъ онъ остановился и не трогался съ мѣста. Тогда дикарь припалъ на землю и поползъ по ней точно змѣя, не производя ни малѣйшаго шума и не сводя глазъ съ однаго большаго камня. Подползши къ нему довольно близко, Орлиный глазъ внезапно выпрямился, какъ стальная пружи-

на, и словно молнія бросился къ какому-то черному предмету, который походилъ на звуки дикаго звѣря, схватилъ въ руки чернѣющую массу, которая мгновенно развернулась, и началъ вертѣть ею надъ своей головой. Это была одна изъ большихъ и красивыхъ австралійскихъ змѣй. Орлиный глазъ взялъ ее за хвостъ, въ то время, когда она спала, съ цѣлью убить ее и воспользоваться ея мясомъ, которое составляло одно изъ любимыхъ лакомствъ дикарей этого племени.

Долго змѣя извивалась и развертывалась, стараясь укусить своего врага; но Орлиный глазъ съ такой быстротой и силой описывалъ ею круги надъ своей головой, что животному никакъ не удавалось освободиться отъ него. Наконецъ утомивъ животное и наскучивъ борьбой. Орлиный глазъ съ необыкновенной силой и искуствомъ махнулъ змѣей въ послѣдній разъ и потомъ со всего раз-

маху раздробилъ ей голову о камень. Убивъ змѣю, Орлиный глазъ распорядился и съ ней точно такъ же, какъ нѣсколько времени тому назадъ съ акулой.

Послѣ этого оба путника безъ особенныхъ приключеній прибыли на ферму Каверлей. Вся она состояла изъ небольшой хижины, которая стояла на возвышеніи. Это было сдѣлано съ цѣлью, въ то время, когда у насъ настаетъ лѣто, тамъ начинается зима; но она не такова, какъ у насъ: вмѣсто снѣга начинаетъ идти дождь и внутренность всей страны превращается въ одно необозримое болото-озеро, изъ котораго, словно острова, выглядываютъ возвышенныя мѣста. На случай этихъ періодическихъ наводненій поселенцы устраиваютъ свои мызы на возвышеніи; тамъ же, къ ихъ домикамъ, примыкаютъ и дворы для овецъ, мѣста для складки хлѣба, который разводится тамъ съ успѣхомъ.

Глава XV.

Предатель.

Ровно черезъ недѣлю, какъ назначилъ Робертъ, Бартъ сидѣлъ уже въ извѣстной таверне за кружкою эля и дожидался своего собесѣдника. На этотъ разъ фигура его была уже не нищенская, но походила на что-то порядочное. Пуская изо рта клубы сигарочнаго дыма, Бартъ нетерпѣливо посматривалъ на часы, и не видя еще Роберта, съ нѣкоторой досадой сказалъ про себя:

— Неужели этотъ дуракъ обманетъ меня и не придетъ? Это очень было бы жаль. Но, чортъ возьми, такъ или иначе, а найду

я этого Каверлея, хоть бы онъ забрался теперь подъ землю.... а наконецъ то! воскликнулъ радостно Бартъ, когда увидалъ входящаго въ комнату Роберта.

Послѣдній подошелъ къ нему, дружески пожалъ протянутую руку и весело сказалъ, взглядывая Барта съ ногъ до головы и замѣтя перемѣну:

— Кажется вамъ повезло, Бартъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы свидѣлись въ послѣдній разъ?

— Да Робертъ, встрѣча наша была очень удачна для меня.

— Очень радъ. Ну что, другъ мой, какъ вы подумали о моемъ предложеніи? Я говорилъ объ этомъ моему господину и онъ очень радъ не только взять васъ въ работники, но и пустить въ долю теперь-же. Это для васъ будетъ несравнено выгоднѣе.

— Я такъ полагаю, и съ удовольствіемъ принимаю предложеніе. Я хочу самъ сдѣлаться овцеводомъ.

— И такъ по рукамъ.

— Идетъ!... Теперь выпьемте, Робертъ, по стакану вина.

— Согласенъ.

Бартъ велѣлъ подать джину и новые пріятели осушили его стакана по два.

— Когда вы будете готовы? спросилъ Робертъ, ставя свой стаканъ на столъ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Такъ отправляемтесь. Но погодите, я желалъ бы знать какимъ образомъ вы въ короткое время такъ преобразились?

Этотъ неожиданный, хотя и самый простой вопросъ, другаго бы озадачилъ или смутилъ; но Бартъ, скрывъ притворное свое смущеніе, самымъ спокойнымъ и равнодушнымъ тономъ отвѣчалъ:

— На дняхъ я встрѣтилъ одного англичанина, пріѣхавшаго сюда съ цѣлью наживаться на золотыхъ пріискахъ. Я хорошо зналъ его въ Лондонѣ, и онъ, увидя меня въ такомъ положеніи, помогъ мнѣ, нѣсколькими фунтами стерлинговъ.

Робертъ, будучи откровеннымъ человѣкомъ вполнѣ повѣрилъ этой лжи; но знай онъ какъ выигралъ въ кости эти деньги Бартъ, добрый человѣкъ ни за что въ свѣтѣ бы не повелъ Барта въ свою ферму. Онъ питалъ особенное не расположеніе къ игрокамъ и считалъ ихъ никуда негодными людьми, способными только во всякое время сдѣлаться мошенниками.

— И въ самомъ дѣлѣ Робертъ былъ правъ. Игрокъ можетъ на все рѣшиться въ случаѣ своей неудачи или въ надеждѣ на выигрышъ. Бартъ, имѣя свои цѣли заручиться расположеніемъ прежде бывшаго своего недоброжелателя легко угадавъ его

прямодушный и честный характеръ, съ умысломъ утаилъ истину.

Вскорѣ они вышли изъ таверны и отправились изъ города. Дорогой Вартъ употребилъ все искуство, чтобы убѣдить Роберта въ своемъ искреннемъ исправленіи, будучи убѣжденъ, что послѣдній кое что знаетъ изъ его жизни.

— Да, другъ мой. говорилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ, со слезами на глазахъ: теперь я сталъ не тотъ, чѣмъ былъ прежде. Вѣроятно вамъ извѣстна моя жизнь въ Англіи.

— Я кое-что слыхалъ о ней, Вартъ.

— Другъ мой, сознаюсь, я былъ дурной человѣкъ, мотъ, игрокъ, пьяница; но, скажу откровенно, что послѣ того, какъ увидалъ васъ и сэра, послѣ прекраснаго урока, полученнаго мной отъ него. я совершенно перемѣнился и хочу трудовой жизнью исправлять прошлые проступки. Не такъ ли, Робертъ!

— Это вы хорошо сдѣлали, Вартъ.

— Вѣдь никогда не поздно исправленіе?

— Вѣрно; это говоритъ намъ и слово Божіи.

И простосердечный Робертъ, отъ души вѣря въ искренность Барта, пустился въ разсужденіи о пріятности жить честнымъ трудомъ и слыть порядочнымъ человѣкомъ. Но Бартъ, если слушалъ его со вниманіемъ соглашался съ нимъ, за то внутренно хохоталъ надъ простакомъ и думалъ про себя:

— Если также простоватъ и довѣрчивъ будетъ и Каверлей, когда увидятъ мое раскаяніе, какъ этотъ дуралей, то мнѣ легко будетъ выполнять съ успѣхомъ свои планы; только нужно терпѣніе, твердость и хитрость.

Къ концу дороги Робертъ такъ былъ увлеченъ этимъ хитрецомъ, что совершенно перемѣнилъ о немъ свое, прежнее убѣжденіе, предполагая совершенное исправленіе порочнаго человѣка.

Въ такомъ духѣ отрекомендовалъ онъ его и Каверлею, который хотя и подозрительно посматривалъ на Барта, чувствуя къ нему что-то отталкивающее, но принялъ довольно ласково и сносно.

Съ слѣдующаго дня началъ Бартъ свои

новыя обязанности. Получилъ онъ отъ Каверлея обѣщаніе, что если онъ будетъ хорошо вести себя и беречь стада, то получитъ на слѣдующій годъ десятую часть приплода. Бартъ на первыхъ порахъ выказалъ необыкновенную дѣятельность и проворство. Занятія его были раздѣлены между имъ и Робертомъ: они гоняли въ луга стада, стерегли, ихъ чистили и вообще исполняли все то, что необходимо для ухода за овцами, чтобы они давали прекрасную, мягкую и волокнистую шерсть. Каверлей не отставалъ отъ нихъ. но его занятія были особаго рода. Онъ по большой части ѣздилъ по сосѣднимъ плантаціямъ и фермерамъ и велъ съ ними дѣла относительно своего хозяйства.

Въ то время, когда всѣ оставались безъ занятій, загнавъ и убравъ стада, они собирались въ одну комнату и сообща дѣлили часы отдохновенія. Въ эти минуты Бартъ выказывалъ всю силу своего гибкаго изворотливаго ума, такъ что вскорѣ и Каверлей началъ находить удовольствіе въ его бесѣдахъ и невольное свое отвра-

щеніе къ нему считалъ не болѣе какъ предразсудкомъ. Бартъ замѣтилъ эту перемѣну и незамедлилъ воспользоваться ею. Стороной и хитро онъ началъ распрашивать Каверлея о случаяхъ первой его жизни, его знакомствахъ, связяхъ, семейномъ отношеніи, и хотя долгое время Каверлей не охотно вступалъ объ этомъ въ разговоръ и отвѣчалъ болѣе отрывочно, однако Барта терпѣливо и настойчиво шелъ къ своей цѣли и добился наконецъ того, что узналъ отъ Каверлея малѣйшія подробности его жизни; о чемъ было умалчивалъ онъ, то дополнилъ Робертъ, бывшій съ юныхъ лѣтъ съ молодымъ человѣкомъ. По мѣрѣ тѣхъ свѣдѣній, какія получилъ Бартъ, въ его головѣ групировались новыя планы и надежды. Но особенно онъ обрадовался и считалъ себя на половину уже у своей цѣли, когда узналъ, что Каверлей не писалъ домой съ тѣхъ поръ, какъ очутился въ Австраліи. Послѣднее письмо писалъ онъ изъ Америки.

— Это провосходно, подумалъ про себя Бартъ; въ Англіи, конечно; всѣ знаютъ

о крушеніи Бермингама и очень легко не знаютъ, кто спасся съ него, такъ какъ во всю дорогу, пока плыли въ Ботанибей, никто не распрашивалъ насъ объ именахъ, Каверлей съ тѣхъ поръ ничего не писалъ, слѣдовательно семейство считаетъ его погибшимъ. Этимъ надо тоже воспользоваться.

Причина, почему Каверлей такъ долго не увѣдомлялъ о себѣ, была во нервыхъ, болѣзнь, а потомъ хлопоты по фермѣ и и путешествіе по новымъ мѣстамъ, которыя поглощали все время его. Но потомъ, когда онъ вздумалъ писать по совѣту Барта и отослалъ вмѣстѣ съ нимъ письмо въ городъ, то хитрецъ по дорогѣ, прочитавъ его, изорвалъ и клочки развѣялъ по вѣтру. Точно также онъ поступалъ и съ остальными письмами. Надо замѣтить, что въ распросахъ и въ другихъ хитростяхъ Барта прошло не мало времени; случилось одно происшествіе, которое имѣло роковое вліяніе на дальнѣйшую судьбу Каверлея, и которое довольно часто случается съ здѣшними поселенцами.

Бартъ, для болѣе удобнаго исполненія своихъ плановъ, уже не одинъ разъ высказывалъ мысль, конечно слегка, вскользь, что не худо было бы испытать счастья и удачи на золотыхъ пріискахъ, съ цѣлью завести хозяйство въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, но видѣлъ, что его предложеніе всегда отклоняли. Тогда онъ задумалъ рѣшиться на отчаянное средство. Онъ зналъ, что сосѣдніе, поселенцы Каверлея, видя какъ успѣшно разводится его хозяйство и что онъ дѣлаетъ имъ подрывъ, съ завистью смотрѣли на это и искали случая повредить ему. Это легко было сдѣлать. Самая страшная болѣзнь для овецъ есть короста; если въ стадо заберется случайно хоть одна и пробудетъ день—другой, то неминуемымъ слѣдствіемъ этого бываетъ общее пораженіе и гибель, если не приняли своевременно мѣръ. Бартъ все это хорошо зналъ и на основаніи этого основалъ свой планъ, чтобы узлечь Каверлея на пріиски.

Тайно онъ пришелъ къ одному поселенцу, который болѣе всѣхъ недружелюбно посматривалъ на постоянно увеличи-

вающееся хозяйство Каверлея и предложилъ ему разорить его. Послѣдній съ охотой согласился заплатить извѣстную сумму и, на другой день, въ стада была пущена зараженная овца. Въ теченіи недѣли никто не замѣтилъ бѣды и только по прошествіи ея увидали, что овцы начали чесаться. Сердце Роберта и Каверлея дрогнуло. Они бросились осматривать овецъ, но было поздно: болѣе половины стада было поражено коростой. Ни тотъ ни другой не подозрѣвали виновника общей бѣды, такъ какъ очень легко могло случиться, что и въ очередь сторожки Роберта могло незамѣтно зайдти больное животное. Несчастіе дѣйствительно было велико, ибо успѣли только спасти малую часть стада, угнавши ее въ другое мѣсто, на покупку котораго были истрачены всѣ доньги, больныхъ же принуждены были всѣхъ перебить, чтобы прекратить дальнѣйшую заразу. Бартъ торжествовалъ.

Когда поселенцы перебрались съ остатками своего стада на новыя мѣста, Каверлей и Робертъ, угрюмые и огорченые, сидѣли подъ навѣсомъ наскоро устроен-

наго шалаша, изъ древесныхъ вѣтвей, и разсуждали объ убыткахъ понесенныхъ ими. Наступало дождливое время, когда содержаніе животныхъ становилось гораздо тяжелѣе и труднѣе чѣмъ лѣтомъ, и особенно оно было трудно для Каверлея, не могшаго запасти на это время корма.

— Что дѣлать намъ, Робертъ? задумчиво проговорилъ Каверлей.

Робертъ ничего не отвѣчалъ и только уныло вздохнулъ. Но за него отвѣчалъ Бартъ:

— Сэръ, если уже случилась бѣда, то ее можно поправить однимъ средствомъ.

— Какимъ?

— Продать половину оставшихся овецъ, на эти деньги продержать остальныхъ. Но по моему дѣло это нужно устроить такъ: изъ насъ остаться дома, долженъ кто нибудь одинъ, а остальные двое пойдти на золотые пріиски и испытать счастье.

Робертъ на этотъ планъ выразилъ свое нерасположеніе, но Каверлей живо отвѣчалъ.

— Здѣсь я хотѣлъ испытать счастья, прожить тяжелое для меня время своимъ

трудомъ и возвратиться домой съ двойными средствами. По совѣту Роберта я занялся разведеніемъ овецъ, оно не удалось. Я хочу теперь испытать счастья и по совѣту Барта; увижу на сколько онъ правъ. Ты, Робертъ, завтра же отыщешь хозяина на покупку половины овецъ и останешься при остальныхъ, а я съ Бартомъ отправлюсь на пріиски въ Бендиго.

Едва онъ высказалъ свое рѣшеніе, какъ Бартъ съ особеннымъ краснорѣчіемъ сталъ высчитывать всѣ выгоды отъ этого плана и въ успѣхѣ ихъ убѣдилъ отчасти и самаго Роберта.

Глава XVI.

Золотые пріиски въ Бендиго.

Вся южная оконечность Австраліи материка принадлежитъ Англіи. Здѣсь въ провинціи ея Южный Валиссъ, въ которой тянутся невысокіе хребты синихъ или голубыхъ горъ, къ западу отъ нихъ находятся одни изъ богатѣйшихъ золотыхъ розсыпей въ мірѣ. Сюда то стекаются аван-

тюристы и искатели золота со всѣхъ странъ свѣта, какъ стараго такъ и новаго. Для соблюденія порядка правительство учредило въ Бендиго свое управленіе, но въ тоже время здѣсь нерѣдко совершается расправа и своимъ самосудомъ, который кончается большею частью смертью.

Получить участокъ для отысканія золота очень просто. Всякому пришельцу отводятъ извѣстный участокъ, и онъ начинаетъ рыться въ землѣ, устроивъ по близости своей ямы шалашъ или палатку. Такимъ образомъ вся колонія золотоискателей получаетъ видъ обширнаго стана, гдѣ шатры и шалаши перемѣшаны съ деревянными постройками. Среди этого лагеря колонистовъ можно встрѣтить все; тутъ виднѣются лавочки съ различными предметами роскоши, тамъ видны инструменты, здѣсь продаютъ провизію и водку. Тамъ цѣновщикъ и мѣняла вымѣниваютъ золото, здѣсь ростовщикъ даетъ деньги подъ небольшія кусочки драгоцѣннаго металла и далѣе слышатся крики игроковъ, раздаются голоса счастливцевъ, которымъ удалось пріискать что нибудь вчера и ко-

торые теперь прогуливали добытое за ничто. Но не смотря на обширность и многолюдство золотоискателей, среди нихъ не видать женщинъ и отсутствіе ихъ еще болѣе увеличиваютъ грубый и мрачный характеръ этого подвижнаго городка.

Сюда то, вскорѣ послѣ своего рѣшенія, пришелъ Каверлей съ Бартомъ. Имъ тотчасъ же отвели участокъ, они построили палатку и на другіе сутки принялись за работу. Прошла недѣля. Имъ посчастливилось: они попали на хорошее мѣсто и въ теченіи короткаго времени достали порядочное количество золотаго песку, который Каверлей вымѣнялъ на деньги. Ихъ удача вскорѣ стала всѣмъ извѣстна и около ямы Каверлея стали появляться подозрительные личности, съ цѣлью воспользоваться случаемъ и взять чужое добро.

Однажды Бартъ, выйдя изъ своей палатки, замѣтилъ около нея какого-то высокаго мущину, который внимательно осматривалъ шатеръ. Это было уже вечеромъ, когда работы уже были окончены и большая часть, золотоискателей покоились сномъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые

предпочли игру и кутежъ сну. Бартъ началъ слѣдить за высокимъ мущиной и, сквозь ночную темь, могъ разглядѣть его фигуру; которая показалась ему знакомой. Онъ рѣшился подойти къ ней и узнать, что она дѣлаетъ тутъ и для чего шатается въ такое позднее время.

Взявъ на всякій случай заряженный пистолетъ, съ которымъ никогда не разстается ни одинъ золотоискатель, Бартъ началъ тихо подкрадываться къ незнакомцу, который въ эту минуту началъ кому-то махать платкомъ. Бартъ опустилъ на его плечо свою руку. Незнакомецъ быстро повернулся и невольно задрожалъ, увидя передъ своимъ лицомъ въ упоръ двухстволый пистолетъ.

— Кто ты и что надо? грубо спросилъ Бартъ.

При звукѣ его голоса, казалось, что незнакомецъ ободрился и, не отвѣчая на вопросъ, сказалъ:

— Если не ошибаюсь, то вижу Барта?

— Отвѣчай, что спрашиваю, а не то спущу курокъ.

— Не ожидалъ я, что вы такъ любезно встрѣчаете старинныхъ вашихъ друзей.

— Друзей?.. но погоди, кажется мнѣ голосъ что-то знакомъ.

— Полагаю; вспомните Ричарда Финкса.

— Ба, неужели это вы? спуская пистолетъ тихо проговорилъ Бартъ.

— Я самъ къ вашимъ услугамъ.

Это былъ тотъ самый молодой человѣкъ, который когда то предлагалъ Барту въ Ботанибеѣ обокрасть одного золотоискателя, о чемъ мы говорили уже выше.

— Скажите, какой случай! снова началъ Бартъ: пойдемте отсюда подальше, мнѣ нужно, Финксъ, переговорить въ вами; и взявши его подъ руку, онъ пошелъ съ нимъ къ одному изъ деревяныхъ балагановъ, гдѣ шелъ кутежъ и игра.

Взойдя туда и спросивъ вина, Бартъ продолжалъ:

— Давно ли вы сюда прибыли, Финксъ?

— Дня три тому назадъ.

— Вы хотите быть со мной откровенны?

— Если вамъ только угодно.

— Очень. И такъ скажите, зачѣмъ вы сюда явились?

— Гм! странный вопросъ... искать счастья. Говорите прямѣе.

— Извольте, но только скажите съ кѣмъ я имѣю теперь дѣло: съ прежнимъ ли Бартомъ или съ другимъ?

— Съ прежнимъ; я нисколько не измѣнился.

А, когда такъ, то слушайте; я вамъ когда-то въ Ботанибеѣ предлагалъ воспользоваться случаемъ обогатиться; вы не согласились тогда и сдѣлали глупость, ибо мы въ троемъ воспользовались всѣмъ и взяли то, чего добивались. Я, разбогатѣвъ снова не удержался и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ прожился въ пухъ и прахъ, долженъ былъ опять скитаться. Это мнѣ надоѣло, и я рѣшился явиться сюда въ надеждѣ брать то, что достанетъ другой. Хотя это опасно, но за то легче.

— И такъ вы ходили во кругъ нашего шатра съ этой цѣлью?

— Не скрываюсь, вы угадали. Я уже много слышалъ про вашъ успѣхъ и хотѣлъ надъ вами испытать счастья; впрочемъ я не полагалъ что это были вы.

Бартъ выслушавъ все это, немного за-

думался; потомъ провелъ рукой по волосамъ, и, какъ бы погруженный въ глубокую задумчивость, сказалъ:

— Пора же и покончить игру!

— Что вы сказали, Бартъ?

— Выпейте стаканъ вина и поговоримъ серьезно.

— Къ вашимъ услугаъм.

Когда оба выпили по стакану, Финксъ сказалъ:

— Что же вы скажете мнѣ?

— Вы одни пришли?

— Нѣтъ, втроемъ; вы помните матросовъ, которыхъ видѣли со мною въ Таверне!

— Помню.

— Такъ съ ними. Это отличные товарищи.

— Хорошо. Вы хотите получить наши деньги; насъ двое.

— Вы шутите?

— Вовсе нѣтъ. Я предлагаю и отдаю вамъ все, что находится въ палаткѣ, если освободите меня отъ товарища.

— А много денегъ?

— Мы уже продали золота на тысячу фунтовъ.

Сумма хорошая. Но почему именно хотите вы освободиться отъ него?

— Это мой секретъ. Согласны, что ли?

— Давайте вашу руку.

Бартъ подалъ ему руку, которую крѣпко пожалъ Финксъ, и сказалъ:

— А когда желаете, чтобы вашъ другъ успокоился:

— Я назначу время, Мы увидимся завтра здѣсь.

Они разстались.

На другой день Бартъ не пошелъ на работу съ Каверлеемъ и одинъ остался въ палаткѣ. Первымъ его дѣломъ было взять бумаги Каверлея и положить свой паспортъ вмѣсто ихъ; потомъ онъ сталъ обдумывать планъ и лицо его принимало самое сатанинское выраженіе радости, весь составъ его дрожалъ отъ восторга, онъ потиралъ руки и нѣсколько разъ шепталъ:

— Наконецъ то, наконецъ я дождался того, чего такъ долго и старательно добивался!., Но чертъ возьми, я не буду совсѣмъ дуракомъ и не отдамъ этому Фин-

ксу ни пфенига... я со всѣми сыграю отличную партію.

Къ полдню пришелъ съ работы Кавер- и весело сказалъ:

— Какъ жаль, Бартъ, что тебя сегодня не было; я отыскалъ другое мѣсто для насъ и надѣюсь, что не ошибся въ выборѣ, тамъ будетъ счастливѣе.

— Сэръ, проговорилъ Бартъ: знаете ли что хочу я сказать?

— Что?

— Вамъ не удобно держать при себѣ столько денегъ здѣсь. Уже вчера я замѣтилъ какую-то подозрительную личность, которая бродила около палатки.

— Удвоимъ осторожность.

— Опоздали. Уже весь лагерь знаетъ о вашихъ успѣхахъ и каждый негодяй сторожитъ насъ.

— Такъ лучше всего я отправлю деньги съ тобой къ Роберту; кстати онъ писалъ, что очень нуждается въ нихъ.

— Я тоже такъ думаю; чтобы быть въ безопасности. лучше удалить предметъ зависти.

— Когда отходитъ почта отсюда?

— Вчера я слышалъ, что завтра.

— Въ такомъ случаѣ, ты отправишься завтра же.

— Хорошо, сэръ. Но я боюсь за васъ, вы останетесь одни.

Кавердей усмѣхнулея и сказалъ:

— Обо мнѣ не безпокойся, другъ; я сумѣю сберечь себя.

Вечеромъ же этаго дня Бартъ увидался съ Финиксомъ и сказалъ:

— Будьте готовы къ дѣлу, завтра вечеромъ.

— А деньги?

— Вы возьмите сами. Я укажу вамъ какъ взойти въ палатку.

Настало другое утро. Оно было томительно и мучительно для Барта; но не раскаяіе, не совѣсть мучила его, а страхъ неудачи крушенія всѣхъ его плановъ.

Глава XVII.

Убійство.

— Сэръ, сказалъ Бартъ, входя въ палатку: почта готова.

— И я готовъ. Вотъ тебѣ мѣшокъ съ

деньгами и письма. Ты все это отдашь Роберту, а самъ воротись скорѣе. Но смотри, чтобъ не узнали, что ты везешь деньги.

— Будьте покойны.

— Пока ты не вернешься, я не примусь за работу.

— Я поспѣшу вернуться назадъ.

Они простились и Бартъ присоединился къ транспорту, который везъ золото въ Батанибей. Для безопасностей отъ нападенія, какъ его, такъ и пассажировъ конвоировали солдаты отъ правительства.

Но едва только транспортъ скрылся изъ виду лагеря промышленниковъ, какъ Бартъ, подъ предлогомъ, что забылъ захватить съ собой нужныя бумаги, отдѣлился отъ общества и вернулся назадъ. Но онъ не пошелъ прямо въ лагерь, а прошелъ въ небольшой лѣсъ, гдѣ ужъ его дожидался по условію Финксъ съ товарищами. Тутъ они пробыли до тѣхъ поръ пока стемнѣло и потомъ тайкомъ пробрались въ лагерь. Бартъ искустно провелъ ихъ къ палаткѣ и показалъ входъ другой въ нее, который былъ извѣстенъ только ему одному.

Впустивъ ихъ туда, онъ остался снаружи какъ бы для сторожи. Палатка въ которую взошли злодѣи, имѣла два отдѣленія: въ одномъ изъ нихъ находился спящій Кавердей. Ему неизвѣстно было, что Бартъ тайно отъ него устроилъ другой входъ, а настоящій былъ хорошо защищенъ и отъ него были проведены пружины со звонкомъ, такъ что при малѣйшемъ движеніи началась бы тревога. Не зная умысла предателя, Кавердей спокойно спалъ,—возлѣ него съ одной стороны былъ пистолетъ а съ другой тяжелый, обоюдо-острый ножъ.

Первый вползъ въ палатку Финксъ? а за нимъ вползли и его товарищи. Увидя спящаго Кавердея, а надъ головой его подушку, въ которой, по увѣренію Барта было зашито золото, негодяи, прилегши къ полу, притаили дыханіе и словно змѣи поползли къ несчастному. Финксъ подползъ къ груди его и наставилъ кинжалъ прямо въ сердце, другіе два товарища приблизились къ роковой подушкѣ; но лишь только коснулись ея какъ пружина съ колокольчикомъ сильно зазвенѣла и Кавердей открылъ глаза.

— Ни съ мѣста! глухо прошепталъ Финксъ.

— Прочь! громко крикнулъ Каверлей, рванулся назадъ и однимъ взмахомъ руки отбросилъ въ уголъ одного изъ злодѣевъ; но остальные два не дали ему подняться и навалились, нанося ему широкія раны.

Произошла короткая. но отчаянная схватка. Каверлею удалось схватить Финкса за горло, которое онъ такъ стиснулъ, что у него выкатились глаза изъ своихъ орбитъ и посинѣло лицо; злодѣй захрипѣлъ и заметался въ предсмертной корчѣ подъ этой могучей рукой. Каверлею удалось на половину приподняться; тогда подскочилъ къ нему только что опамятовшійся отъ ушиба матросъ, схватидъ пистолетъ и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ молодаго человѣка. Онъ покатился по полу вмѣстѣ съ Финксомъ.

Не теряя времени, матросы бросились къ подушкѣ схватили ее и побѣжали къ мѣсту прежняго своего схода; но къ удивленію и ужасу своему они нашли его совершенно закрытымъ. Эту штуку уже заранѣе приготовилъ имъ Бартъ. Ища толь-

ко гибели Каверлея, онъ вовсе не думалъ дѣлиться деньгами съ мошенниками и лишь только впустилъ ихъ въ палатку, какъ тотчасъ и постарался задѣлать имъ выходъ. Прорѣзавъ дыру въ полотнѣ и слѣдя за барьбой. Бартъ увидѣлъ ея исходъ. Тогда онъ бросился къ наружному выходу и громко началъ звать на помощь. Выстрѣлъ и его крики разбудили людей въ сосѣднихъ палаткахъ; увѣренные что случился грабежъ они съ оружіемъ въ рукахъ бросились на помощь и окружили со всѣхъ сторонъ палатку Каверлея. Грабители, видя себя открытыми, рѣшились на отчаянное средство они задумали пробиться и, пользуясь темнотой, скрыться; но это не удалось имъ, и они избитые изувѣченные до полусмерти разъяренными золотопромышленниками, были связаны и брошены въ одну изъ ямъ до утра, въ которое назначено было ихъ судить судомъ Линча.*)

На другой день состоялся этотъ судъ золотопромышленники, раздраженные час-

*)Этотъ судъ состоитъ въ томъ, что здѣсь собирается весь народъ и рѣшеніе постановляется общимъ голосомъ; по большей части онъ рѣшается смертью.

то повторяющимися кражами за послѣднее время, рѣшили сбросить съ горы пойманныхъ преступниковъ для примѣра и острастки прочимъ, что было исполнено тотчасъ же.

Между тѣмъ еще ночью, пользуясь суматохой, Бартъ скрылся и теперь въ погибшемъ Каверлеѣ всѣ признали перваго, найдя при немъ видъ бѣжавшаго, а послѣдняго сочли за Каверлея, ошибаясь наружнымъ сходствомъ.

Теперь для Барта осталось, отдѣлаться отъ одного свидѣтеля, Роберта, и онъ рѣшился исполнить это самъ. Пріѣхавъ на ферму онъ притворно вручилъ бѣдняку посланное золото, и когда тотъ принялъ его и началъ считать, Бартъ, пользуясь мгновеніемъ, зашелъ назадъ и въ затылокъ ударилъ кинжаломъ Роберта. Несчастный даже не вскрикнулъ и съ глухимъ стономъ скатился на землю. Убійца поспѣшно взялъ деньги, обобралъ все, что попалось ему подъ руку, вскочилъ на лошадь и помчался по направленію къ Мельбурну, второму порту на Австралійскомъ материкѣ.

Оставимъ пока на время Барта и перенесемся теперь въ замокъ Каверлей.

Глава XVIII.

Мать и жена.

Въ высокихъ и роскошныхъ залахъ замка было все уныло и печально. Съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ изъ нихъ Каверлей, не раздавалось въ немъ веселыхъ голосовъ.

Старая лэди была по обыкновенію важна и молчалива. Молодая жена грустна и печальна. Первоначально отношеніе другъ къ другу были слишкомъ натянуты, но они сдѣлались еще холоднѣе, когда пронеслась вѣсть о гибели „Бермингама" и ни одного извѣстія не приходило отъ Каверлея. Лэди считала виновницей всему свою невѣстку, да и та послѣдняя упрекала себя въ общемъ несчастіи.

Но странно было одно обстоятельство когда всѣ родственники и знавшіе Каверлея считали его окончательно погибшимъ стааря люди была убѣждена въ его существованіи и отвергала всѣ доводы, ко-

торые подверждали его гибель. Прошло два года. Извѣстіе отъ сына не приходило, а мы видѣли какіе къ тому были причины; какъ вдругъ въ замокъ подали письмо изъ Австраліи, въ которомъ увѣдомляетъ Каверлей о своемъ существованіи, путешествіи и намѣреніи возвратиться назадъ. Это было письмо, дѣйствительно писанное самимъ и посланное съ Бартомъ.

Старая лэди сильно обрадовалась этому извѣстію и съ торжествомъ говорила всѣмъ что ея предчувствіе оправдалось, что она никогда не сомнѣвалась въ существованіи сына. Это убѣжденіе доходило у ней до како-го умопомѣшательства. Напротивъ того, ея невѣстка съ полученія этого письма дѣлалась еще грустнѣе и тоже впослѣдствіи какого то тайнаго предчувствія.

Задумчива и печальна ходила она однажды по одной изъ залъ замка и мысли ея носились въ воспоминаніи о мужѣ. И вдругъ показалось ей, что она видитъ мужа, сраженнаго пулей и неподвижно распростертаго по землѣ. Эта мысль заста-

вила ее невольно вздрогнуть всѣмъ составомъ. И вотъ, чтобы разсѣять грустныя думы, навѣянныя на нее молодая женщина въ первый разъ еще сѣла за рояль, взяла нѣсколько акордовъ, по залѣ неслись уныло томные звуки и зазвенѣлъ ея серебристый голосъ. Она запѣла одну изъ старинныхъ англійскихъ балладъ, гдѣ разсказывается о погибшемъ мужѣ. При послѣднихъ слоаахъ пѣсни голосъ ея оборвался, въ мысляхъ снова пронесся милый образъ, сердце сжалось у нея отъ какого-то тайнаго и грознаго предчувствія и слезы невольно потекли изъ ея очей. Въ ту минуту вошла старая лэди.

— Вы плачете Мари, когда нужно радоваться. Можетъ быть, вамъ непріятно что Георжъ живъ?

Молодая женщина вспыхнула, тяжело вздохнула, но ничего не отвѣчала.

— Мнѣ пріятнѣе было бы видѣть васъ веселой, чѣмъ тоскующею. Осушите ваши слезы и сыграйте что нибудь веселое.

Печальная жена грустно взглянула на свекровь, но повинуясь ей, снова взялась за клавиши и, быстро пробѣжавъ

по нимъ пальцами, извлекла веселые звуки, между тѣмъ какъ слезы, не переставали капать на ея грудь.

Но вотъ она взяла одинъ очень сильный аккордъ: внезапно порвалась одна струна и клавиша произвела протяжный звонъ, подобный отдаленному, какъ бы стону. Обѣ женщины невольно вздрогнули, сами не зная чего испугались.

Въ это время изъ аллеи, ведущей изъ парка къ замку, показался всадникъ. Онъ быстро промчался дворомъ и остановился у передней терассы. Старая лэди, увидя его, тревожно проговорила:

— Это почтальонъ! о Боже, не случилось ли чего съ Жоржемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ камердинеръ и на серебряномъ подносикѣ подалъ лэди депешу. Она быстро пробѣжала ее глазами и, немогши скрыть сильнаго волненія, радостно вскрикнула, обращаясь къ невѣсткѣ:

— Мари, милая дочь моя, радуйся! Жоржъ прислалъ намъ эту депешу по телеграфу. Онъ извѣщаетъ насъ, лично къ вечеру будетъ уже съ нами.

Молодая женщина отъ внезапнаго испуга перешла къ сильной радости, но сильное потрясеніе нервъ было ей вредно и она лишилась чувствъ. Старая лэди приказала позвать прислугу и велѣла отнесть невѣстку въ ея комнату.

И долго тянулся день для обѣихъ женщинъ, нетерпѣливо ждали они желаннаго вечера, и Боже мой, какъ сильно забились ихъ сердца, когда у подъѣзда раздался стукъ колесъ подъѣхавшей кареты. Обѣ женщины съ однимъ и тѣмъ же волненіемъ бросились впередъ. Черезъ минуту старая лэди держала въ своихъ объятіяхъ молодого человѣка, нервно восклицая:

— О, милый, дорогой сынъ мой! какъ счастлива я, что ты возвращенъ мнѣ Господомъ.

А онъ?

Онъ сладко шепталъ, цѣлуя руки и губы старой лэди.

— Матушка, матушка! у меня не достаетъ силъ выразить блаженство этой минутой... О, Мари, дорогая моя? какъ долго мы съ тобой были разлучены; о

какъ тяжко было для меня это время; говоритъ онъ, обращаясь къ женѣ и прижимая ее къ сердцу.

И она, прижимаясь къ его груди, чувствовала пылъ, но сердце ея какъ-то невольно трепетало, замирало и ей казалось, что прежній Жоржъ измѣнился, что страданія и путешествіе перемѣнили его, и онъ сталъ какъ-то холоднѣе и грубѣе...

Глава XIX.

На поѣздѣ желѣзной дороги.

Конечно, всякій уже догадается, что мнимый Жоржъ былъ никто иной, какъ Бартъ. Это дѣйствительно такъ и было. И мать, а первоначально и жена, слушая его разсказы, видя его ласки, убѣдились, что видятъ предъ собой дѣйствительнаго Каверлея, а не самозванца. Первыя минуты свиданія прошли въ обоюдномъ восторгѣ, но Барту предстояло еще много для увѣренія прочихъ въ своемъ обманѣ, въ особенности своей матери, нанимавшей мызу у Каверлеевъ.

На другой день его прибытія, въ замокъ пришла старуха. Услыша отъ при-

слугъ что молодой господинъ воротился изъ Австраліи, куда ушелъ и ея сынъ, она пришла освѣдомиться о немъ у него. Когда доложили объ ней, Бартъ не стѣсняясь присутствіемъ жены и старой лэди, приказалъ позвать свою мать...

Она взошла. Бѣдная женщина при видѣ своего сына задрожала, ноги подкосились отъ радости слезы полились изъ глазъ и она чуть не бросилась къ нему на шею, но была остановлена холоднымъ злобнымъ взглядомъ этого человѣка. Минута для него была критическая, и онъ рѣшился не пощадить старуху, если бы она рѣшилась признать его за сына.

Произошла перемѣна и въ мысляхъ матери. Видя сына счастливымъ, узнавъ его, но встрѣтя презрительный взглядъ и холодное равнодушіе, она внутренно сказала себѣ.

Да, я не ошиблась, это мой Карлъ. Онъ не на своемъ мѣстѣ, но я люблю его, хочу ему счастья и не открою, кто онъ.

Потомъ пересилив себя, старуха проговорила низко кланяясь:

— Простите, сэръ, мое волненіе и слезы. Это происходитъ отъ радости, что можетъ быть вы скажете мнѣ, бѣдной матери какую нибудь вѣсточку о сынѣ. Онъ также былъ въ Австраліи, въ той далекой сторонѣ.

— А какъ звать, добрая женщина, твоего сына? Холодно спросилъ Бартъ.

— Карломъ Бартомъ.

— Бартомъ?.. да я зналъ и видалъ его. Мы вмѣстѣ с ъним были на золотыхъ пріискахъ. Онъ славный, добрый былъ малый.

— Такъ онъ исправился?..

— Да; но, добрая женщина, я скажу тебѣ про него нерадостную вѣсть. Онъ умеръ отъ желтой лихорадки.

— Помяни Богъ его душу, заплакавъ проговорила мать и, поклонясь, вышла.

На другой день, ночью, Бартъ тайно былъ на мызѣ своей матери, когда онъ взошелъ къ ней, то старушка быстро оглянувшись и видя что никто не видалъ ихъ, мгновенно бросилась къ нему на шею и рыдая, говорила:

— Ты Карлъ?.. о, позволь хоть разъ обнять тебя.

Онъ не сопротивлялся, а потомъ сказалъ:

— И такъ ты узнала меня?

— Ты видишъ самъ.

— Что намѣрена сдѣлать ты? и снова глаза ого злобно блеснули.

— Я хочу твоего счастья.

— Хорошо, не говори никому ви слова.

— Я уйду отсюда.

— Совѣтую и вотъ тебѣ деньги.

Онъ сунулъ ей въ руку кошелекъ и поспѣшно вышелъ. На другое утро мыза опустѣла, никто не зналъ, куда скрылась старая женщина:

Съ этихъ поръ прошелъ цѣлый годъ. Но какъ ни искустно игралъ свою роль самозванецъ, однако по временамъ проявлялась его грубая натура и низскіе инстикты. Первая это открыла молодая лэди. Замѣчая его грубость, холодность, наклонность къ цинизму, она начала размышлять и сравнивать характеръ прежняго Каверл[illegible] настоящимъ, послѣ чего пришла къ [illegible]му заключенію, что, въ этой перемѣнѣ что нибудь да кроется. Первоначально свои подозрѣнія она от-

крыла свекрови, но та, увлеченная одной мыслью совершенно отвергла ихъ; тогда она сообщила кое-кому изъ близкихъ родственниковъ.

Послѣдніе начали внимательнѣе присматриваться къ его дѣйствіямъ и образу жизни, и скоро замѣтили въ немъ признаки глубоко развращенной натуры. Сомнѣнія росли. Дѣло готово было принять новый оборотъ, недоставало только ясныхъ и положительныхъ уликъ. Бартъ зналъ, что его начали подозрѣвать, но презиралъ и смѣялся надъ этимъ, зная, что всѣ концы хорошо спрятаны имъ и дѣйствительно: достовѣрный свидѣтель далеко покоится на чужой землѣ...

Быстро несся локомотивъ съ пассажирскимъ поѣздомъ въ Лондонъ въ одинъ изъ лѣтнихъ дней и остановился на одной станціи для принятія другихъ путешественниковъ. Въ числѣ ѣхавшихъ въ Лондонъ находился и Бартъ. Въ это же время на станцію пріѣхали двое людей, Одинъ изъ нихъ походилъ на адвоката, а другой, въ длинной блузѣ, широкой шляпѣ, худой, истомленный и обросшій густой бородой.

Взявъ билеты, оба эти господина взошли въ вагонъ и случайно попали напротивъ него. Сначала Бартъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія, но потомъ случайно взглянулъ на блузника, который не сводилъ съ него глазъ блиставшихъ какъ огонь, и который дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Бартъ въ свою очередь пристальнѣе взглянулъ на незнакомца, и внезапно лицо его покрылось смертной блѣдностію. Онъ узналъ въ блузникѣ убитаго имъ Роберта.

— Это онъ, убійца и предатель! вскричалъ Робертъ. Это былъ дѣйствительно онъ, и быстро схватилъ самозванца за воротъ.

Съ секунду Бартъ находился въ какомъ-то оцѣпеніи не понимая причины появленія здѣсь Роберта; но потомъ собрался съ духомъ, оттолкнулъ отъ себя Роберта и гордо сказалъ.

— Ты сумасшедшій человѣкъ!

Вздоръ! Но, голубчикъ, ты не отвертишься теперь отъ меня,—и онъ снова набросился на Барта.

Поднялась суматоха, обоихъ спорщиковъ на слѣдующей станціи заарестовали.

Глава XX.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Можетъ быть покажется страннымъ появленіе и воскресеніе Роберта, но оно случилось очень просто и естественно.

Раненый, но не убитый совершенно, Робертъ находился безъ чувствъ, когда пришелъ къ нему Орлиный глазъ. Увидя своего друга въ такомъ положеніи, онъ восмотрѣлъ рану, мгновенно побѣжалъ въ поле нарвалъ какихъ-то травъ и, возвратясь назадъ, обмылъ и перевязалъ его рану. Съ больнымъ сдѣлалось воспаленіе; но дикарь не отходилъ отъ него и только ему извѣстнымъ составомъ лечилъ Роберта. Болѣзнь долго продолжалась, но натура взяла свое и бѣднякъ всталъ на ноги. Тутъ вскорѣ поразило его новое горе; онъ узналъ что его господинъ убитъ и Бартъ скрылся. Бросивъ все, Робертъ отправился въ Ватанибей, чтобы возвратиться въ Англію. Это было именно въ то время, когда родственники Каверлей принялись за розыски и послали отъ се-

15 —

бя опытнаго и довѣрчиваго человѣка въ Австралію, чтобы открыть страшную тайну Черезъ объявленіе, Робертъ узналъ о пріѣхавшемъ и разсказалъ, что зналъ.

Началось теперь дѣло. Явились и защитники и свидѣтели со стороны Барта. Онъ сорилъ деньгами на подкупъ ихъ, однако истина восторжествовала; онъ былъ уличенъ, принужденъ сознаться и осужденъ.

Такъ, изъ всего нашего разсказа вытекаетъ простая истинна, что какъ не хитри человѣкъ, но если онъ идетъ дурнымъ путемъ, то его рано или поздно постигнетъ правосудіе: онъ запутается наконецъ въ своихъ дѣлахъ и сгибнетъ безчестно.

КОНЕЦЪ.

W381.5917N-Ub1

W117170